

Д. БАРЛЕН

РУССКИЕ БЫЛИНЫ В СВЕТЕ ТАЙНОВЕДЕНИЯ

Барлен Д. Русские былины в свете тайноведения. Калуга. «Духовное познание». 1992. — 70 стр.

Изучение былин человеком, оснащенным знанием духовной науки, открывает совершенно неожиданную для традиционных методов толкования, грандиозную панораму развития русской Народной Души. В этой панораме находится место каждой былине и каждому герою, как выразителю Народной Души в соответствующую культурную эпоху: Святогору, Вольге Всеславьевичу, Микуле Селяниновичу, Илье Муромцу, Василию Буслаеву, Садко, Ставру, Соловью Будимировичу и другим.

Для всех, интересующихся русскими былинами и духовной историей человечества.

В России издается впервые.

ISBN S — 88000—008—7.

© «Духовное познание», 1992.

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
Введение	7
Святогор	19
Илья Муромец и Святогор	21
Развитие мира до Атлантиды. «Нисхождение с гор» Святогора	32
Послеатлантическое время. Самсон, Микула, Вольга и Илья	38
Пятая культурная эпоха. Василий, Чурило и Садко	59
Будущее развитие. Ставр, Соловей и Дюк	64
Заключение	37
Библиография	69
От издателя	71

Автор предлагаемых строк отлично сознает, что появление их в свет может быть встречено с недоумением в кругу лиц, знакомых с существующей уже обширной и богатой литературой по данному вопросу. Не оспаривая ее общепризнанного значения и ценности для изучения всего, касающегося русских былин, он должен, однако, со всей своей скромностью указать, сколь обременительной и бесполезной оказывается эта литература при всякой попытке применить ее для понимания сущности былин или для проникновения в смысл их содержания. Вместе с тем автор хотел бы подчеркнуть, что он очень далек от намерения сделать какой-либо новый «вклад» в существующую уже по данному вопросу литературу, в виде еще одной новой теории или формулы для толкования былин.

Не все, вообще, поддается толкованию, и менее всего доступны ему окутанные туманом минувших веков и овеянные сказочностью пленительные и загадочные образы русских былин. Они блекнут и увядают при первом вторжении в сферу их миражеобразной зыблущейся жизни четких и угловато-острых интеллектуальных понятий и схем, подобно нежному цветочному венчику, насильно раскрытому грубой рукой. Они требуют бережного и нежного отношения, не допуская точных формулировок и определенных толкований. Единственно возможный метод — это «представить истинные оккультные факторы и попытаться затем понять картины, возникшие из них и перешедшие в сознание людей»*.

* См. «Библиография», № 42. В дальнейшем изложении цифры в тексте относятся к соответствующим номерам в «Библиографии».

Следуя этому принципу, автор пытается, в узких рамках настоящего скромного труда, дать основные штрихи грандиозной панорамы, раскрывающейся при изучении былины в свете Тайноведения. Он стремится показать, что в основу их содержания положена не мифология, не история и не образы иноземных литератур, но духовные факторы и реальности, отраженные и преломленные в сознании поколений, принадлежавших к периоду возникновения былины.

Подвергая критике общепринятые теории и гипотезы, автор отнюдь не пытается умалить глубокой ценности существующих трудов. Он преклоняется перед настойчивостью, трудоспособностью, упорством и прозорливостью людей, бродивших, правда, в потемках, но давших наиболее ценное и наиболее высокое из всего, что было доступно в то духовно-темное время. Он отлично сознает, сколь неизмеримо более ценный труд — по сравнению с предлагаемым — мог бы быть создан каждым из них, будь им доступен уже в то время свет Тайноведения.

В заключение автор считает своим долгом выразить благодарность всем, содействовавшим появлению в свет настоящей брошюры.

ВВЕДЕНИЕ

О русских былинах известно очень немного. Вернее, о них неизвестно почти ничего.

Происхождение их теряется во мраке древности. Об авторах их можно только догадываться. О личности «сказителей» идут бесконечные споры. Содержание былины подверглось многократному искажению. Многие из них, несомненно, затеряны, вообще. Самое название «былина» поставлено под знак вопроса.

Первым собирателем русских народных былин был англичанин Ричард Джеймс, оксфордский бакалавр, священник при английском посольстве в России, на пути в Англию задержанный кораблекрушением возле Архангельска. В рукопись его, начинающуюся с 1619 года, вошли одни былины московския. Только в начале следующего XVIII века, Киршею Даниловым* были записаны и наиболее известные былины киевския и новгородския, которые, таким образом, по рукописному своему своему возрасту на сто лет моложе московских. В печати же рукопись Кирши Данилова, под названием «Древния Российския Стихотворения» появилась впервые в 1804 году. Кроме этого, до второй четверти прошлого столетия былины, а именно московския, печатались, также с рукописей, лишь в песенниках Чулкова (1770—1776), Попова (1792), Макарова (1803) и др. Но с этого времени начинается прилежное записывание былин с уст народа несколькими ревностными собирателями народной старины, преимущественно П. В. Ки-

* Первый собиратель русских былин, известный под именем Кирши Данилова (вероятно, казак сибирский¹) жил, как некоторые думают, в начале XVIII века².

реевским (10 томов «Песен», изд. 1860—1874 гг.), П. Рыбниковым (4 тома «Песен», изд. 1861—1874 гг.) и А. Ф. Гильфердингом (1 том «Онежских былин» в 1336 страниц убористой печати, изд. 1873 г.)².

«Хотя былины поются в настоящее время и «каликами», певцами по ремеслу, специальность которых — «духовные стихи», говорит В. Авенариус в своем «Введении к былинам», «но настоящими носителями и рачителями народного эпоса являются «сказители», не промысляющие своим пением, а занимающиеся им, как истинные художники, из любви к искусству. Они, обыкновенно — зажиточные крестьяне»¹. По меткому замечанию другого собирателя былин, Гильфердинга, «былины, повидимому, укладываются только в таких головах, которые соединяют природный ум с порядочностью, необходимою и для практического успеха в жизни»¹⁹. Кроме крестьян, «хорошие рапсоды» встречаются и между некоторыми переходными ремесленниками, именно, между занимающимися портняжным и сапожным ремеслами»¹.

Эта точка зрения разделяется и В. Миллером, который, впрочем, неоднократно противоречит самому себе. «У нас подобного (профессионального) обучения не было», указывает он в одном месте: «Если мы видим, что былины передаются от деда к сыну и внуку, то это передача не школьная, не основанная на внимательном специальном изучении, а лишь механическое усвоение при случае, насколько хватает памяти и усердия»². «При такой случайности в традиции, обусловленной отсутствием профессиональных певцов, можно еще удивляться, что и в современном своем виде наши былины сохранили так много старины в именах, древних бытовых чертах и во всем складе и ладе»². В другом месте, однако, он приходит к обратному заключению: «Совершенно естественно мы приходим к мысли, что у нас, как у большинства народов, имеющих эпические сказа-

* Этим термином В. Авенариус обозначает «вдохновенного носителя народной поэзии; рапсод — греческое название слагателей эпических песен, принятое во всех литературах»¹.

ния, были профессиональные их хранители, обрабатывавшие их, исполнявшие их в народе и передававшие их в своей среде новым поколениям профессиональных певцов»². «На участие профессиональных петарей указывают традиционные прибаутки, которые мы нередко находим либо перед началом, либо после конца былин... Я предположил, что такими певцами были главные образцы, древне-русские скоморохи»². П. Рыбников находит компромисс, указывая, что «главные хранители былин в Заонежье и на Пудожском побережье — сказители, а в Каргопольской стороне — калики. Сказители поют по охоте, по любви к искусству, а калики — по ремеслу»³.

Можно считать установленным, что «хранителями этого чудного наследия старины являются исключительно крестьяне...; высшие классы уже в XVIII в. порвали свою связь с народным эпосом и утратили к нему живой интерес»³. Особенно замечательно, что «зовут их слепцами, хотя бы они были совершенно зрячие: явное указание, что это остаток древних слепых Калик Перехожих»⁸, равно как и то, что лишь «самая незначительная часть певцов грамотна»¹. Это обстоятельство, особенно в связи с тем, что былины нигде не записывались, не могло, конечно, содействовать сохранению былин в чистом виде. Хотя «исполнитель не должен был вовсе стремиться к оригинальности, а, напротив, должен был ставить традиционность, как одно из непеременимых условий своего замысла»⁴ и, хотя «крестьяне были только хранителями старины в былевой поэзии, но не развивали ее новыми сюжетами»² — все же «народная поэзия оттого неустойчива, что иною не могла удерживать ее человеческая память, иною не могло сохранить ее и делить дальше сознание безкнижного и безписьменного народа»⁴. Поэтому, вполне естественно, что «при передаче подобного произведения многое в нем переделывалось и изменялось, многое применялось к известным условиям быта; но оно становилось известно всем, и, передаваясь из поколения в поколение, переживало века»⁵.

Подобного же мнения придерживается и А. Пыпин. «Ни древность былии, ни древность богатырей не подлежит сомнению. Другой вопрос, в каком виде эта древность дошла до нашего времени. Она, без сомнения, в течение веков сильно подновлена по форме и содержанию эпоса, по самим характерам и историям богатырей, — но в том и другом должна была уцелеть на дне древняя основа, послужившая для дальнейших наслоений и видоизменений, — эти последние нередко до сих пор очевидны для наблюдения»¹². Или в другом месте: «Внешняя судьба народной поэзии, изгнание ее из книги, отсутствие записей, имели то следствие, что в настоящее время мы имеем перед собой только сравнительно позднюю форму народно-поэтического предания, — а именно, хотя в современной песне уцелели нередко отголоски весьма далекой древности, но, с другой стороны, мы не имеем и того, что знал еще, напр., XVIII век... На народной песне отразились разнообразные влияния, более или менее глубоко или поверхностно касавшиеся целой судьбы народа — внешняя и внутренняя политическая события, изменения хозяйственного быта, народно-бытовое действие церкви, школы и книжности, международные встречи и т. д.»¹².

К этому мнению А. Пыпина присоединяется И. Порфирьев. «Т. к. произведения народной словесности весьма долго оставались незаписанными, то, очень естественно, многие из них совершенно утратились, а сохранившиеся подверглись порче и искажению. Передаваемая устно от одного поколения к другому людьми, незнакомыми с образованием, они дошли до нас с разными ошибками и разными изменениями и дополнениями, какие они получили в разные времена при переходе от одних людей к другим. В них много анахронизмов или смешения разных эпох, лиц и событий»⁷.

Кроме этих искажений, оправданных в известной мере самим характером исполнения и передачи былии, необходимо учесть ряд изменений, сознательно или бессознательно внесенных в них собирателями. «В своем собрании песен Чулков поместил произведения на-

родной поэзии рядом с песнями разных стихотворцев», указывает А. Бороздин⁴, «причем не стеснялся вносить поправки в текст народно-поэтических созданий, как это видно из следующих слов его «Предупреждения»: «Сколько я трудился в собрании сих песен, о том ведают те люди, которым известны безграмотные писцы наши, кои пишут, а что пишут, того не разумеют. Их неискusstво находил я почти во всякой песне, так что инде ни стиха, ни рифмы, ниже мысли узнать мне было не можно; да я чаю, что они и сами растолковать бы мне не умели; для того принужден был употреблять догадку». — «Таких «догадок» или, вернее, произвольных исправлений без всяких оговорок», продолжает А. Бороздин, «было особенно много в «Русских сказках»⁵, которые часто представляются самостоятельным переложением Чулкова».

«Еще более произвола обнаружил сотрудник Чулкова, Михаил Попов, составивший сборник «Русская Эра, или выбор наилучших новейших российских песен», вышедший в свет в 1792 г. Перемешав всевозможные старья и новья песни, Попов откровенно объяснял: «Со старинными песнями поступал я таким образом: по учинении оным из преогромных стаи очень малаго выбора, потщался в некоторых исправить не токмо разногласие и меру во стихах, но и переставлял оные в иных с одного места на другое, дабы связь их течения и смысла через то сделать плавнейшею и естественнейшею, чего в некоторых из них не доставало»⁷.

Другой издатель песен, Макаров, считал удобным издавать песни «и совсем переделанные, но которые, по его словам, во всем согласовались бы с правилом, и которые, так сказать, заключали бы в себе одно и то же существо, только в лучшем привлекательнейшем виде»⁷.

Если добавить ко всему вышесказанному, что, вероятно, не все собиратели столь откровенно предваряли о допущенных ими переделках, особенно, если послед-

* «Русские сказки, содержащая древнейшие повествования о славных богатырях».

ния не казались им значительными, то придется, к сожалению, признать, что одна часть былин утеряна для нас окончательно, другая же, за небольшими исключениями, дошла до нас в искаженном виде.

Тем не менее «ни древность былин, ни древность богатырей не подлежит сомнению»¹² и «можно еще удивляться, что и в современном своем виде наши былины сохранили так много старины в именах, древних бытовых чертах и во всем складе и ладе»⁴.

Былинами, в широком смысле, называются песни о богатырях. «По характеру содержания в нашем былинном репертуаре намечаются два крупные отдела: а) былины богатырского характера, в которых изображаются подвиги богатырей... в) былины не воинского характера, напоминающие иногда новеллы... Есть былины смешанного характера»². Былины богатырские в свою очередь могут быть разделены на несколько главных групп или «циклов»: 1) древнейший цикл — о полумифических героях довладимирской эпохи, так наз. старших богатырях, 2) киевский или владимиров цикл, и 3) новгородский¹. Былины позднейшего происхождения «московско-петровский, как и примыкающая к ним казацкая, могут быть названы также историческими песнями. Но песни эти, как по содержанию, так и по духу и по форме своей, уже значительно разнятся от песен древней Руси — киевских и новгородских»¹.

Происхождение слова «богатырь» до сего времени остается невыясненным. Некоторые считают его заимствованным из тюркских языков (baghadur, bagatur, батур) или с санскритского (baghadhara — счастливый, удачный).⁹ Халанский производит первоначальную форму богатырь от «багатырь» — татарский воевода¹⁰. Щепкин, Буслаев и другие, кладут в его основу корень «Бог», «Богатый», т. е. «одаренный высшими божественными качествами, полубог»¹. Это тем более правдоподобно, что в правильном ритмическом напеве былины слово «богатырь» чаще всего произносится «богатырь».

Столь же противоречивы мнения о происхождении самого слова «былина». С одной стороны существует

взгляд, что «эти эпические песни, несмотря на свой гиперболический характер, несмотря на все преувеличения и фантастические вымыслы, которыми они украшены, представлялись народу былью, потому что оне, действительно, могли быть, в древнейшей основе своей, приурочены к живым лицам и действительным событиям. В этом именно смысле эти эпические песни и называются в народе былинами»³. Ф. Буслаев считает, что «эпос в старину именовался у нас словом, в народе былиною или былью, потому что, по пословице: «сказка — складка, а песня — быль»¹. Это мнение разделяет и И. Порфирьев: «Поэтому народ и называет эти песни «былью»: «сказка — складка (вымысел), а песня — быль», говорит одна народная пословица, а некоторые песни, именно богатырские, прямо и называются былинами»⁷.

Эта точка зрения жестоко оспаривается в других исследованиях. «Самое название «былина» в народе неизвестно и, как говорит Е. Барсов, искусственно придано богатырским песням, и обычное их народное название — старина или старичка»⁴. «Ученые начала столетия не знали, не слыхали, что богатырские песни народ называет былинами», говорит В. Миллер². Или в другом месте: «Просто от частаго повторения укоренилось убеждение, что свою богатырскую песню называет былиною сам народ». Есть даже указания, что единственным источником этого термина является «Слово о полку Игореве», — «которого выражение — по былинам сего времени, неверно истолкованное, послужило для обогащения научной терминологии по части народной песни»². Но «удачно или неудачно название былина, оно приобрело за последние десятилетия право гражданства, установилось за эпическими песнями т. наз. киевского и новгородского цикла и может с удобством быть употреблено для различия их от песен исторических. Нужно только помнить, что это название в применении к этим песням придумано не самим народом, а пущено в оборот собирателями и исследователями русского эпоса»².

*

Еще более разноречивы существующие точки зрения по вопросу о происхождении и содержании былин. В зависимости от положенных в основу теорий и гипотез образовалось три различных направления или «школы» в изучении былин:

1. Мифологически-поэтических олицетворений.

2. Исторических отражений.

3. Иноземных заимствований*.

Первая школа, мифологических олицетворений, видит в былинах, главным образом, отголоски русско-славянской мифологии и олицетворение природных сил. «Афанасьев всюду, кстати и некстати, объяснял мифы небесными явлениями, и особенно грозовой тучей и молнией», указывает А. Пыпин¹². По мнению А. Афанасьева, «в образе Соловья-Разбойника народная фантазия олицетворила демона бурной грозовой тучи. Имя Соловья дано на основании древнейшего уподобления свиста бури громозвучному пению этой птицы... Эпитет «разбойник» объясняется разрушительными свойствами бури»¹².

Для представителей этой школы богатыри являются мифологическими существами. О. Миллер в старших богатырях видит враждебные людям силы природы. Для него Святогор — облегающая небо тучи; младшие богатыри — благотворные явления природы; калики — бродячие тучи, проливающие дождь⁹. Микула Селянинович — олицетворение небесного грома; кобылка его — громовая туча¹³. «Пиво, которое пьет Илья Муромец», говорит Афанасьев, «старинная метафора дождя. Окованный зимней стужей, богатырь громовник сидит сиднем (не заявляя себя в грозе), пока не напьется живой воды, т. е. пока весенняя теплота не разобьет ледяных оков и не превратит снежные тучи в дождевые; только тогда зарождается в нем сила поднять молниеносный меч и направить его против темных демонов»¹⁴. Или в другом месте: «Тридцатилетняя разслабленность

Ильи Муромца должна означать замирание солнца зимой в течение тридцати недель; силы же, полученные им от питья, заставляют видеть в этом питье... дождевую живительную влагу. Носителями ее обыкновенно являются в сказках птицы, мифически означающие дожденосные облака... Калики могут быть признаны новым уже антропоморфическим мифом для того же облака... Конь Ильи может означать и гром и ветер. Дорога залегла ровно тридцать лет — ровно столько же, сколько сиднем сидит Илья Муромец. Соловей-Разбойник означает бурную тучу: свист и шип и рев Соловья — это нескончаемое звучание сплошных, докучных, осенних и зимних, убийственных бурь»¹².

Для представителей школы исторических отражений — в былинах отражается «опоэтизированная история народа, рассказанная им самим»¹. Л. Майков считает, что «былины по своему содержанию соответствуют нескольким постепенно сменявшимся периодам исторической жизни русского народа»¹⁵. Безсонов видит в богатырях «отражение действительно живших лиц или персонификацию бытовых и исторических явлений в жизни русского народа»¹⁶. Для представителей этого направления «деятельность дружины, выраженная в подвигах ее представителей — богатырей, и есть предмет былин»¹⁵. Соловей Разбойник, это «разбойники, бывшие в русских лесах»⁴. А. Брюкнер считает, что, «несмотря на отсутствие исторических подтверждений, в этих былинах отражается дух истории»¹⁷. Он пытается даже установить, по былинным описаниям, типичные черты древних славян, причем на первое место ставит их демократичность: «Греческий или германский герой уже своим божественным происхождением выделяется из массы. Славянский же — сливается с ней»¹⁷.

Между этими двумя крайними течениями — мифологическим и историческим, — могут быть помещены т. н. смешанные. Ф. Буслаев, например, считает, что «в былинах и стихах воспеваются лица и события — или мифологические и баснословные, вообще вымышленные, сказочные, напр. Святогор; или исторические, напр., князь Владимир»¹¹. О. Миллер считает доказатель-

* В дальнейшем также для краткости: 1) мифологическая, 2) историческая, 3) заимствований.

ством древности былии то обстоятельство, что «в них изображается политика оборонительная, а не наступательная»⁹.

Представители третьей школы полагают, что былины не являются результатом самостоятельного творчества русского народа, но отражением типов иностранных литератур, более или менее замаскированным заимствованием, привившимся на русской почве и принявшим русский облик в отношении имен, обычаев и проч.¹⁶ Эти утверждения подкреплены целым рядом параллелей, иногда очень удачных, между подвигами русских и иноземных богатырей. Такова «параллель между Владимиром Красным Солнышком и княгиней Апраксеевой, с одной стороны, и персидским царем Кейкаузом и его супругой Судабэ — с другой»⁴. «Святогор напоминает собою знаменитого богатыря персидского эпоса, Рустема, который был так силен и тяжел, что не мог ходить по земле: как ступит, так и начнет проваливаться»⁷. Для представителей этой — восточной теории заимствований, к которой принадлежит В. Стасов¹⁶, первоисточником былинных сюжетов является Индия и Персия, откуда монгольские и тюркские племена занесли их в Россию.

Но те же параллели могут быть проведены между богатыми русского и германского или скандинавского эпоса. Встрече Ильи Муромца со Святогором соответствует похождение Тора с великаном Скримиром и т. д.⁷. Таким образом, может быть оправдана и теория заимствований с запада или с севера. Наконец, «гораздо ближе к нашему эпосу были влияния славяно-византийские»⁴. И Греция знала уже образ «бога», одаренного способностью принимать любую форму», подобно Локи, скандинавскому богу¹⁸. Но этим даром обладает и русский богатырь Вольга Всеславьевич. Так могла возникнуть и теория заимствования с юго-запада или юга!

О. Миллер находит и здесь компромисс, указывая, что иноземные влияния отразились только на тех былинах, «которые и всем своим бытовым складом отличаются от древне-русского»⁹. И. Порфирьев также полагает, что «замечаемое сходство в эпических сказаниях

разных народов не всегда может быть доказательством происхождения их из одного источника, а весьма часто может быть следствием единства основных законов, лежащих в основе развития жизни каждого народа... Следовательно, несправедливо было бы объяснять все в былинах из индоевропейской мифологии»⁷.

Неудивительно поэтому, что все существующие противоречия привели А. Брюкнера к следующему заключению: «Эти русские эпические песни успели подвергнуться всевозможным толкованиям: то в них находили мистический элемент, и Илья оказывался воплощенным богом грома, в то время, как Владимир и Добрыня — солнечными богами; то их объявляли строго историческими, видя в них описание побед и поражений «вещаго» Олега или галицких и волынских князей; то в них открывали скрытые социальные символы и аллегории, переход от каменного века к металлическому или победу над дикими элементарными силами природы посредством сохи и культуры. Там, где один исследователь видел чистейшее и правдивейшее воплощение славянского духа, другой находил лишь осколки различных восточных мотивов, один — кавказских, другой — монгольских или тюркских племен»¹⁷.

Если даже расширить допущенный Ф. Буслаевым «мифологическо-исторический» компромисс, равно как и предложенный О. Миллером — «частичных заимствований», если даже допустить, что в некоторых случаях правы представители мифологической гипотезы, в других — последователи исторической школы и, наконец, в третьих — приверженцы теории заимствований с востока, запада, севера или юга; если даже разбить былинное сказание о каждом богатыре на ряд отдельных эпизодов и применить к каждому из них отдельно одну из существующих теорий — то полная несостоятельность всех их, даже при самой поверхностной критике, становится вполне очевидной для любого непредвзятого исследования.

«В каждой былине есть две составные части», говорит А. Гильфердинг: «места типические, по большей части описательного характера, либо заключающая в

себе речи, влагаемая в уста героев, и места переход-
 ные, которые соединяют между собою типические места
 и в которых рассказывается ход действия»¹⁹. К этим
 типическим местам, остающимся почти неизменными
 во всех вариантах, относится прочно установившийся об-
 раз богатыря и характер главных его подвигов, укорен-
 нившийся настолько, что уже «нет надежды познако-
 миться с каким-нибудь новым типом богатыря»². При
 этом «так называемая типическая часть былины осталась
 издревле незатронутой;... ни время, ни народная фанта-
 зия не могли пошатнуть ее. Этот «скелет» богатырской
 песни исполняется теперь так же, как в старину. Если
 спросить у сказителя, что может означать то или иное
 темное место, то получают лаконический ответ: «мы не
 знаем этого — это так поется»²⁰.

Теория мифологических олицетворений базируется
 на одном основном признаке, главным образом, по
 внешнему сходству или аллегорическому сближению,
 нередко весьма отдаленному и искусственному (см. вы-
 ше у А. Афанасьева — «громозвучное» пение соловья).
 При этом основное содержание былины, развитие дей-
 ствия, достигающее временами чрезвычайного драмати-
 ческого напряжения — остается вовсе без рассмотре-
 ния. Согласно мифологической теории (см. выше):

Святогор, живущий на святых (т. е. небесных, облач-
 ных) горах¹⁴, является олицетворением либо горных
 сил⁷, либо облегающих небо туч;

Микула — олицетворение небесного грома; кобылка
 его — громовая туча;

Илья Муромец — богатырь громовник;

Калики — бродячая туча, проливающая дождь;

Младшие богатыри — благотворные явления приро-
 ды;

Соловей-Разбойник — осенняя или зимняя вьюга и
 т. д.

Попытка приложения этих обозначений к тексту бы-
 лин обнаруживает всю несостоятельность мифологиче-
 ской теории с полной очевидностью.

СВЯТОГОР

*«На крутых горах, на святых Горах,
 Великан-богатырь Святогор сидел,
 Да не ездил он на святую Русь:
 Не носила его мать сыра-земля.
 Захотелось раз богатырю
 Погулять во раздольице чистом поле —
 Заседлал он коня богатырского,
 Выезжает на путь-дороженьку.
 Встрепенулось сердце молодецкое,
 Заиграла силушка по жилочкам,
 Так вот живчиком и переливается;
 А и грузно ему от этой силушки,
 Грузно, будто от тяжкого бремени:
 Не с кем силой-то богатырю померяться.
 И выкидывает он палицу булатную
 Выше облака ходячаго из виду вон,
 На белы руки опять подхватывает;*

*« — Кабы мне да земную тягу найти,
 Утвердил бы в небеси кольцо,
 Привязал бы к кольцу цепь железную,
 Притянул бы небо к земле-матушке,
 Повернул бы землю краем вверх,
 И смешал бы земных со небесными! —*

*«Усмотрел он тут во чистом поле
 Добра молодца пехотою идущи;
 За плечами у добра молодца
 Была малая сумочка переметная.
 Как припустит скакать он добра коня
 Во всю силу лошадиную —
 Добрый молодец идет пехотою.
 Не нагнать его коню богатырскому.
 Как поедет лихою вольготою —
 Добрый молодец вперед не наступывает.*

*«И окликнул Святогор добра молодца:
 «— Гой еси ты, прохожий добрый молодец!
 Ты постой-ка, постой немножечко,
 Как скакать припущу добра коня
 Во всю силу, во лошадиную —*

Ты идешь вперед пехотою,
 Не нагнать тебя коню богатырскому:
 Как поседу тихую вольгостою —
 Ты идешь, вперед не наступываешь.
 «Обождал его прохожий добрый молодец,
 Полагал со плеч со могучих
 На земь малую сумочку переметную.
 Говорил Святогор добру молодцу:
 — А скажи-ка мне, добрый молодец,
 У тебя что за ноша в этой сумочке? —
 «Отвечает ему добрый молодец:
 «— Ай же славный ты великан-богатырь!
 Попытайся-ка взять мою ношицу
 На свои на плечи на могучия,
 Побежать с ней по раздольицу чисту полю.—
 «Опускался славный великан-богатырь
 Со добра коня к малой сумочке,
 Принимался за малую сумочку;
 Принимался сперва одним перстом —
 Эта малая сумочка переметная
 На сырой земле не сворохнется.
 Принимался тогда одной рукой —
 Эта сумочка все не сворохнется.
 Ухватил обеими руками —
 Все-то с места она не сворохнется.
 Принимался всею силою великою,
 Припадал белой грудью богатырскою
 К этой малой сумочке переметной;
 Захватил всей силой великою —
 Во сыру землю угрызнул по коленочки,
 По белу лицу не слезы — кровь течет...
 Уходило сердце молодецкое,
 Только малый дух подпустить успел
 Под ту малую сумочку переметную,
 Говорит сам таковы слова:
 «— Не вздымал я такой ноши от роду!
 Много силы во мне, а не под силу.
 Что в сумочке твоей понакладано?
 Кто ты сам есть, удалый добрый молодец,
 Как зовут тебя именем, отчеством? —

Отвечает удалый добрый молодец:
 «— В моей малой сумочке переметной
 Вся земная тяга понагнужена,
 А я сам — Микула Селянинович. —»
 Где угрыз Святогор, тут и встать не мог,
 Тут ему было и кончание.

Такова была, согласно мифологической теории, встреча «облегчающих небо туч» с «небесным громом». Какое отношение имеют эти «облегающие небо тучи» к «земной тяге и к смешению «земных с небесными»; каким образом эта тяга земная оказывается в «сумочке переметной» у грома; каков смысл этой былины вообще, и что означают все приведенные в ней частности — вот вопросы, на которые мифологическая теория бессильна дать какой-либо удовлетворительный ответ.

Еще яснее сказывается это бессилие в следующей былине.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СВЯТОГОР

Ой ты гой еси, лихой охотничек,
 Старый богатырь Ильюша Муромец!
 Полевал он, старый, во чистом поле,
 Люта зверя на копье ловил,
 Соболей-куниц да на низок низал.
 Подъезжает старый ко Святым Горам,
 Въехал старый на Святы Горы,
 Услыхал тут превеликий шум:
 Всколебалась мать сыра-земля,
 Зашатались темны лесушки,
 Замутились быстры реченьки,
 Выливались из берегов крутых.
 Видит старый: на добром коне
 Едет шагом богатырь-гора,
 Ростом выше дерева стоячаго,
 Головою в небо упирается,
 Едет, сам подремывает сидючи.

«Что за чудо?» говорит Илья:
«Богатырь да на коне заснул?
Мог бы выспаться в белом шатре.
Знать, не русский богатырь то, а неверный
есть»...

По мере приближения богатыря Илью Муромца все более охватывает страх, пока, наконец, он не отпускает своего коня и не взбирается сам на высокий дуб. Оттуда он успел заметить, как Святогор разбил шатер и завалился спать. Красавица-жена Святогора, которую он обычно возил с собою в хрустальном ларце, вышла «и высмотрела Илью на сыром дубу. Говорит она таковы слова: «Ай же ты, дородный добрый молодец! Сойди-ка со сыра дуба, сойди, любовь со мной сотвори; буде не послушаешься, разбужу Святогора богатыря и скажу ему, что ты насильно меня в грех ввел». Нечего делать Илье: с бабой не сговорить, а с Святогором не сладить; слез он с того сыра дуба и сделал дело повеленое»³.

Святогор просыпается. Жена его наскоро прячет Илью в ларец (по другим вариантам — в карман Святогору). Все трое пускаются в путь. Три дня сидит Илья в плену, пока, наконец, конь Святогора, обремененный непосильной ношей, не рассказывает человеческим голосом обо всем. Святогор убивает жену, вынимает Илью и братается с ним.

Тут они крестами поменялися,
Братьями крестовыми назвались,
Стали вместе разъезжать по щелейкам,
Разъезжать-гулять да по Святым Горам.
И наехали они на чудо чудное,
Чудо чудное да диво дивное:
Осередь пути великий гроб стоит,
Красным золотом обложен весь, повыложен,
А на крышке подпись да подписана:
«На кого состроен сей великий гроб,
На того он и поладится».
Илья опускается в гроб;

«...Не по нем широк и долог был великий гроб...»

Тогда Святогор опускается в гроб:

«Как по нем состроен был великий гроб;
Говорит богатырь таковы слова:

«На меня состроен сей великий гроб;
Хорошо здесь во гробу-то жить!
Ты послушай-ка, мой меньший брат,
Ты возьми-ка да закрой меня
Тою крышкою дубовою гробовою».

Отвечает братцу Илья Муромец:

«Не закрою я тебя, мой больший брат,
Тою крышкою дубовою гробовою.
Шутку шутишь ты не малую:
Во живых собрался хоронить себя».

Как берет тут сам богатырь, накрывается
Тою крышечкой дубовою гробовою —
А та крышечка изволом Божиим
Сораслась со гробом во одно место.
И воззвал из гроба Святогор Илье:

«Ты послушай-ка, мой меньший брат,
Как ни быюся, как ни силюся,
Не могу я крышки над собой поднять!
Ты берись-ка за те доски, за дубовыя,
Отрывай-ка по одной доске».

Брался старый за те доски за дубовыя,
Оторвать не может никакой доски:

«Ты послушай-ка, мой больший брат,
Не могу открыть я никакой доски».
«Так бери-ка ты мой славный, богатырский меч,

Разруби-ка крышку острым мечом».

Брался старый за тот славный Святогоров меч,

Со сырой земли не мог меча поднять.

«Ты послушай-ка, мой больший брат,
Не могу меча я и с земли поднять».

«Ты послушай-ка, мой меньший брат,
Наклонись ко крышке ко гробовою,

Припади ко малой щелочке:

Дуну на тебя я духом богатырским».

Наклонился он ко крышке ко гробовой,

Припадал ко малой щелочке:

Дунул Святогор на старого

Тем могучим духом богатырским,

И почувал старый, как в нем силушки

Втрое против прежнего прибавилось;

Приподнял с земли он богатырский меч,

Стал рубить по крышке по гробовой,

От ударов, от великих искры сыплются,

А куда ударит богатырский меч —

Там железный обруч ставится.

Воззывал богатырь Святогор опять:

«Душно, душно мне, мой меньший брат!

Ты руби-ка вдоль по крышке по гробовой».

Рубит старый вдоль по крышке
по гробовой,

От ударов искры сыплются,

А куда ударит богатырский меч —

Там железный обруч ставится.

«Задыхаюсь я, мой меньший брат!

Наклонись ко крышке, ко гробовой,

Припади ко малой щелочке:

Дуну на тебя всем духом богатырским,

Передам тебе всю силу богатырскую».

Отвечает братцу Илья Муромец:

«Будет силушки с меня, мой больший
брат.

Передашь ты мне всю силу богатырскую —

И меня носить не станет мать сыра-земля».

Говорит богатырь Святогор Илье:

«Хорошо ты сделал, меньший брат,

Что последняго наказа не послушался:

Мертвым духом бы я на тебя дохнул,

Мертвым сам бы ты у гроба лег.

А теперь прощай, мой меньший брат!

Видно тут мне Бог и смерть судил.

Богатырский меч возьми себе,

А добра коня оставь хозяину,

Привяжи ко гробу богатырскому:
Никому не сладить с ним, опричь меня».

И прошли из ясных очушек

Слезы у него горючие,

И сложил он руки богатырския

На белы груди, на богатырския,

И принял себе он смерть великую,

И пошел из гроба мертвый дух.

Тут простился старый со богатырем,

Святогорова добра коня

Привязал ко гробу богатырскому,

Опоясал славный Святогор меч,

И поехал во раздольище чисто поле.

Тут ли Святогору и славу поют.

*

Попытки мифологической школы дать истолкование этой былины лишь подтверждают ее полную беспомощность. «Святогорова жена отдается Илье Муромцу, как представителю Перуна, и погибает от меча-кладенца, т. е. умирает, пораженная молнией.

Примеч. Святогор возит жену в хрустальном ларце (метафора облака) и отмыкает золотым ключем (молнией)»¹⁴.

Или, перефразируя: «Облегающее небо облако (Святогор) возит в облаке же (хрустальном ларце) свою жену (вероятно, также облако), отпирая тучу молнией (золотым ключем) и убивает ее молнией же (мечом)».

Здесь мифологическое толкование совершенно уничтожает всякий смысл всего события. Или в другом месте: «Гроб, окованный железными обручами, — метафора дождевого облака, на которое зимняя стужа наложилась свои крепко-сжимающие цепи»¹⁴. Тут Святогор обращается уже в дождевое облако*, а Илья Муромец в «зимнюю стужу», в то время, как прежде он был «бо-

* В другом месте предполагается, что дождевая туча представляется в былинах в лице калик-перехожих.

гатырем громовником» или олицетворением животворной солнечной силы.

(По поводу обозначения «богатырь-громовник» интересно отметить мнение Д. О. Шеппинга: «Если нет сомнения, что Илья-Пророк, по сказанию народных легенд и суеверий, заменил у нас древнейшее божество грома языческого периода, из этого еще не следует, что совершенно во всем можно отождествлять Илию с Перуном. Подобные безцеремонные извращения народных преданий, переходя из одного ученого сочинения в другое, более популярные книги и учебники, совершенно искажают самое предание»²¹).

Еще яснее обнаруживается вся несостоятельность мифологической теории в приложении к былинам с «младших» богатырях. Все многообразные события и сложные интриги при дворе князя Владимира, любовные похождения Апраксии, наделы богатырей между собою, борьба их друг с другом и с врагами — все это не может быть истолковано при помощи туч, грома, молнии и еще небольшого набора природных сил. При подобном голословном произволе, и убийство Цезаря может быть перенесено в облака, причем кинжал сыграл роль молнии; и освобождение крестьян окажется возрождением природы (или растительного мира) от зимней спячки, не говоря уже о жизни знаменитых людей (напр., Наполеона), где самого героя можно заменить солнцем, его друзей и родственников — планетами, сражения — грозой и бурей, где каждый пленник будет представлять собою природу, «скованную зимней стужей» и т. д.

Применение мифологической теории может быть допущено и отчасти оправдано лишь по отношению к отдельным аллегорическим образам, независимым, замкнутым в себе, установившимся, статическим, напр., в загадках*, в поговорках и в некоторых песнях. Для истолкования же былин и сказаний — не только русских, но и иноземных, — с их сложной динамикой и драматикой, с их нарастающими и развертывающимися собы-

тиями, — если даже и допустить наличие в них некоторого мифологического налета, — то все же приложение к ним мифологической теории, как таковой, в ее целом, ввиду полной ее несостоятельности, должно быть безоговорочно отвергнуто.

* * *

*

То же можно сказать и о теории исторических отражений, хотя на первый взгляд она кажется более обоснованной и устойчивой: с одной стороны — в былинах нередко попадаются действительные географические или исторические названия; с другой — имена былинных героев изредка упоминаются в летописях или современных хрониках. Эта теория видит в былинах «опозитизированную историю народа», причем содержание былин соответствует «нескольким, постепенно сменявшимся периодам исторической жизни русского народа». Для нея Святогор — представитель грубой физической силы кочевого периода, которая, как самостоятельная стихия, в строгом строе одухотворенной нравственным началом гражданской жизни не имеет уже места и должна умереть¹. Микула Селянинович — «представитель земледельческого быта, выносливости»². Вольга Всеславьевич — «полубог охотник и воин, побеждающий всю одушевленную природу»³. Князь же Владимир, княгиня Апраксия, младшие богатыри, новгородские удалыцы — все это «отражение действительно живших лиц или персонификация бытовых и исторических явлений в жизни русского народа»⁴.

Несостоятельность этой теории выясняется при первой же попытке приложения ее к одной из вышеприведенных былин. Почему Святогор оказывается представителем «грубой физической силы кочевого периода»? Древняя Русь вообще не имела в своих пределах высоких гор¹, и образ кочевого племени невозможно связать с типом богатыря, которого и «земля не носит», который «нашел себе гору и лежит на ней». Что может

* См. стр. 15.

** См. стр. 15.

* Что горит без огня? — Заря.

означать «подремывание» Святогора на коне и признавание его, что

«...Не дано мне ездить на святую Русь».

История древней Руси не знает периода, который мог бы быть символизирован Святогором. И если допустить, что Микула Селянинович, действительно, является отражением «земледельческого быта и выносливости»⁹, то образ Вольги Всеславича, который, будучи пяти лет от роду,

*«...Обучался всяким хитростям-мудростям:
Обучался первой хитрости-мудрости —
Обертываться ясным соколом;
Обучался другой хитрости-мудрости —
Обертываться серым волком;
Обучался третьей хитрости-мудрости —
Обертываться туром — золотые рога...»*

— этот образ остается вполне загадочным, и попытка видеть в нем отражение личности и деятельности «вещаго» Олега лишь подчеркивает все бессилие исторической теории.

Столь же непонятной фигурой остается и Соловей-Разбойник, «олицетворяющий собою главных внутренних врагов возникающего государства — шайки разбойников. Кто не испытывал невольной дрожи темной ночью в глухом месте при неожиданном резком свисте, служащем обыкновенно условным знаком для злоумышленников? Неудивительно, что народное воображение одарило прототип русских разбойников убийственным соловьиным свистом, от которого он и получил свое имя»¹. Подобное толкование оказывается при ближайшем рассмотрении совершенно необоснованным: Илья Муромец не раз встречался с такими «внутренними врагами», для которых в былинах имеется совершенно определенный термин:

*«...Наехали на старого станишники,
По нашему русскому — разбойники...»*

Остается непонятным отличие Соловья-Разбойника от «станишников». Правда, он свистит по-соловьиному, но ведь и

*«...Шипит да по-змеиному,
Кричит да по-звериному»,*

«отчество же его «Рахманович» производится от слова рахман или брахман, т. е. брамин — индийский жрец и кудесник. Иногда он называется и «Птицей Рахманной»¹. Кроме того, «соловей сидит в гнезде на дубах, и его дом, где живет вся его семья, назван здесь г н е з д о м. Дети Соловья тоже мифические личности; его дочери в е щ и я, обладают богатырской силою; самое имя старшей из них, Невея, дается, в старинных заговорах на трясавицы, или лихорадки, старшей из сестер-трясавиц»²⁵; сыновья Соловья оборачиваются в черных воронов, притом «с железными клювами»²².

Из дальнейшего изучения былин обнаруживается с еще большей ясностью, что образ Соловья-Разбойника, приближающийся скорее к типу колдуна-чародея, очень далек от вышеупомянутых станишников-разбойников и представляет собою загадочную фигуру, недоступную для толкований исторической теории.

Окончательно беспомощной оказывается эта теория при попытках применения к драматическому развитию действия в былинах (напр., эпизод с женой Святогора, смерть Святогора в гробу и др.). Если даже в былинах о младших богатырях попадают географические и исторические имена, то на проверку они все оказываются далекими от действительности. «Чернигов», действительно, лежит на пути из Муром в Киев», говорит Ф. Буслаев; в этом случае былина как будто заключает в себе исторический элемент. Но в других вариантах вместо Чернигова называют Бежегов, Бекетовец, Кидишь, Кряков и друг.¹, и тот же Ф. Буслаев должен признать, что «здесь уже смешивается Чернигов с каким-нибудь другим городом»¹¹. То же можно сказать и о реках Сафате, Израе, Смородине и друг., о Латырь-море, о Фавор-горе, о князе Владимире, о княгине

Апраксии и т. д. Уже А. Бороздин замечает, что в характере самого былинного князя Владимира, равно как и его супруги можно найти гораздо более «сказочных» черт, чем соответствующих исторической действительности⁴. При внимательном изучении и сопоставлении географических и исторических имен, упоминаемых в былинах, возникает уверенность, все более укрепляющаяся и находящая себе подтверждение по мере изучения текста, что сказители брали для нужных им обозначений первья приходившие им на ум имена, пользуясь наиболее известными и популярными в силу их исторического или географического значения. Таким образом, хотя в былинах и нельзя отрицать наличия некоторого исторического элемента — подобно вышеупомянутому мифологическому налету, — но приложение к их истолкованию исторической теории, как таковой, в ее целом, должно быть столь же безоговорочно отвергнуто.

*

Теория иноземных заимствований базируется на неоспоримом сходстве между некоторыми типами и подтипами русских и иноземных богатырей. В силу того, что русский эпос является, сравнительно, самым молодым, не могло возникнуть сомнений в том, что он является субъектом, а не объектом заимствования, хотя «остаётся народной тайной, к которой и сам народ теперь не имеет ключа, каким образом Индийский Кришна и некоторые другие образы превратились потом в Добрыню и т. д.»²².

Эта теория неоднократно подвергалась жестокой критике, находившей, что «замечаемое сходство в эпических сказаниях разных народов»* может быть с успехом приписано не столько позднейшим заимствованиям, сколько доисторическому происхождению их из одного источника. А. Котляревский полагает, что «эти сказания (о русских богатырях) были плодом всей предыдущей жизни народа, лебединою песнью... народного творче-

* См. стр. 16.

тва, еще питавшегося соками старинного предания. Отделив в них все случайное, привнесенное последующими веками и образовавшееся под влиянием исторических обстоятельств, можно понять их настоящий характер: мы встретим здесь глубокую старину, еще не успевшую получить резкого характера исключительно русской народности, старину, прямо указывающую на доисторическую эпоху единства индо-европейских племен»²². Для И. Порфирьева — вышеуказанное сходство вытекает даже не из наличия общего первоисточника, а из «единства основных законов, лежащих в основе развития каждого народа». Ф. Буслаев придерживается того же взгляда: «общие всему человечеству законы логики и психологии, общие явления в быту семейном и практической жизни, наконец, общие пути в развитии культуры, естественно, должны были отразиться и одинаковыми способами понимать явления жизни и одинаково выражать их в мифе, сказке, предании, притче, пословице»²¹.

Если добавить к этому, что подобное сходство встречается также в религиозных и проч. сказаниях (о рае, потопе и пр.) равно как в обрядах и обычаях различных народов, причем невозможность заимствования во многих случаях может считаться вполне доказанной, и что каждый народ по-своему переживает свою историю — в зависимости от духовных, психологических, этнографических, географических и проч. условий; что подавляющая часть былин носить национально-русский, и притом глубоко христианский характер, чего нет в предполагаемых первоисточниках; что теория заимствования произвольно пытается умалить или лишить именно русский народ способности самостоятельного эпического творчества, в то время, как все другие виды творчества живут в народной жизни полной струей; что, наконец, некоторые незначительные иноземные влияния, наравне с мифологическими и историческими, могут все же быть в известной мере допущены — то придется прийти к заключению, что и теория заимствований, как таковая, в ее целом, наравне с теорией мифологической и исторической, должна быть отвергнута, и что былины

остаются великой, глубокой и необъяснимой тайной русского народного творчества.

*

Несмотря на то, что многие былины вовсе не дошли до нас, а дошедшие подверглись многократным искажениям; несмотря на то, что они носят на себе несомненные следы мифологического, исторического и иноземного влияний, и что ни одна из существующих теорий не может быть приложена к ним — есть, все же, один источник, проливающий яркий свет на существо былины, на фигуры богатырей, на смысл и значение их подвигов, освещающий в равной мере как общия места, так и частности. Источник этого света — Тайноведение д-ра Рудольфа Штайнера, и приложение данного им метода к русским былинам, возсоздает шаг за шагом этапы духовного пути русского народа*.

РАЗВИТИЕ МИРА ДО АТЛАНТИДЫ. «НИСХОЖДЕНИЕ С ГОР» СВЯТОГОРА.

В трудах и лекциях Рудольфа Штайнера неоднократно дается описание различных состояний земли, пройденных ею на пути своего становления и подготовленных для ее развития в будущем. Пронизывая своим духовным взором мрак прошлого и туман будущего, он подводит нас к духовным первоисточникам мироздания, воплощая в доступные для обычного сознания образы результаты своих наблюдений, и давая возможность каждому составить себе представление — а затем и знание — об отдаленнейших временах и эпохах³⁶.

Довременная благоговейная жертвенность высочайших духовных существ, изливающих из себя часть собственной субстанциональности, создает, согласно мудрому

* Автор всецело берет на себя одного полную ответственность как за применение данного метода к русским былинам и за полученные результаты, так и за перевод с немецкого текста и выдержек из трудов Р. Штайнера. — По приведенным ниже отрывкам, применительно к данной теме, невозможно, конечно, составить себе представления о Тайноведении в целом.

и благому предначертанию, изначальную духовную первооснову для материального мироздания. С началом времен и с присоединением к начавшемуся мирозданию еще ряда духовных существ, духовная субстанциональность, оставаясь таковою же в глубочайшей своей сущности, начинает пронизываться физическими законами, уплотняясь и сгущаясь до состояния субстанциональной теплоты³⁶, проявляющей впоследствии, в виде мерцания и свечения, первые проблески внутренней жизни. В эти безмерно отдаленные времена (эпоха древнего Сатурна)* было положено начало зачатку человеческого тела, духовно-физического машинообразно-действующего фантома, проявляющего и отражающего переживания изживающихся в нем высших существ. — Затем все снова возвращается к первоначальному состоянию чистой духовности, растворяясь в ней для долгого промежуточного состояния покоя.

По прошествии времен, снова начинается образование сгущенно-уплотняющихся элементов, достигающих прежней степени уплотнения и могущих, вследствие новых благоговейно-жертвенных импульсов духовных существ и благодаря пребыванию в чистой духовности во время вышеописанного периода покоя, быть доведенными до еще более материального состояния. Субстанциональное тепло уплотняется до паро-газообразного состояния, и человеческий зародыш, воспринимая

* Из Тайноведения известно, что принадлежащая к нашей солнечной системе планета Сатурн образовалась в результате процесса, сходного, в известной мере, с таковым, имевшим место в эпоху древнего Сатурна. Этим объясняется то, что этой древней эпохе и современной планете присвоено одно название. Аналогичное замечание можно сделать по поводу древнего Солнца и древней Луны (см. ниже).

** Физическое тело человека, как таковое, представляет собою труп, который, будучи предоставлен самому себе, распадается на составные элементы, под влиянием внешних законов и сил природы. При жизни оно пронизано жизненными силами, обуславливающими в нем возможность жизненных процессов и предохраняющих его от распада. Этот комплекс жизненных сил носит в Тайноведении название жизненного или эфирного тела³⁶.

*** См. примеч. стр. 36.

изливающиеся в него силы, развивается до возможности проявления признаков самостоятельной жизни**, все более определяющейся к концу этого периода (древняго Солнца)***. — Затем все снова растворяется в изначальной духовности для нового периода покоя.

По прошествии этой второй паузы процесс физического миростановления снова вступает в свои права. Снова повторно проходятся с начала уже прежде достигнутые степени уплотнения, но процесс не останавливается на этом и продолжается до сгущения вплоть до жидко-газообразного и тягуче-жидкого состояния. Человек поднимается до возможности внутренних переживаний, симпатий и антипатий, радости и страдания*, причем эта внутренняя жизнь его находится в сложной зависимости от окружающих его духовных существ. — Понемногу все снова начинает возвращаться к духовному состоянию, и этот — третий период космического становления (древней Луны)** также заканчивается периодом покоя.

По окончании и этого периода материализующиеся элементы начинают снова выделяться из духовности, образуя впоследствии то, что составило собою нашу теперешнюю Землю***. Первый период ее развития — Полярная эпоха, представляет собою ускоренное повторение на более высокой ступени периода древняго Сатурна — с образованием зачатка физического человеческого тела. Второй период — Гиперборейская эпоха, повторяет таким же образом состояние древняго Солнца — с возникновением в человеческом зародыше жизненных процессов (эфирн. тело). Третий период — Лемурийская эпоха, является аналогичным же повторе-

* Физическое тело, пронизанное жизненными процессами (эфирным телом), характеризует, главным образом, современное растительное царство. Человеку (как и животному) доступен уже сложный комплекс ощущений, носящий в Тайноведении назв. ощущающегося или астрального тела. Кроме того, человек, в отличие от животного, обладает способностью самосознания, т. е. сознания своего индивидуального «Я»⁹⁶.

** См. примеч. стр. 33.

*** Вернее: нашу теперешнюю солнечную систему.

нием древней Луны, причем человек получает способности ощущения и сознания (астральн. тело). Четвертый период — Атлантическая эпоха, не служит более повторением предыдущих состояний и знаменует собою зарождение в человеке самосознания, — сознания собственного «Я».

За все время этой космической эволюции человек в точности следует за всеми превращениями родственной ему Земли. Как в настоящее время тело его строится из присущих земле минеральных и проч. веществ, так во времена древняго Сатурна, когда наиболее материальным элементом было субстанцииальное тепло, — тело человека было построено из этого теплового элемента; на древнем Солнце — оно было паро-газообразным; на древней Луне — жидко-газообразным и тягуче-жидким. Через аналогичные превращения проходит оно в эпоху Полярную, Гиперборейскую и Лемурийскую, являющаяся повторением на более высокой ступени древняго Сатурна, древняго Солнца и древней Луны.

Рудольф Штайнер дает следующее описание первых периодов Атлантической эпохи: «В то время человек не существовал еще в форме, доступной наблюдению наших современных органов чувств. Вам представилось бы, правда, зрелище некоторых областей на земной поверхности, выступающих в виде островов из жидкой еще земли, покрытой водами или укутанной парами... Но эти области не были еще столь твердыми, сколь наша теперешняя земля, а представляли собою глыбы мягкой земляной массы, с бушевавшей между ними огневой стихией... Вы нашли бы, что в некоторых уже существовавших областях, до известной степени остывших, жили предки нашего теперешнего животного царства... Но человека Вы не увидели бы, т. к. в то время человек не обладал еще таким плотным, твердым физическим телом. Вы должны были бы искать человека совсем в других местах, так сказать, в водяной и парообразной массе... Вы нашли бы тогдашнее человеческое физическое тело в области водяных паров... Чем дальше возвращаетесь вы назад, тем прозрачнее становится человек этой эпохи, все более походя на окружающие его

парообразная и водяная массы. Лишь в течение атлантического времени он сгущается все более; и если бы можно было глазами проследить весь процесс становления, то можно было бы увидеть, как человек все более сгущается из вод и все более нисходит на землю*. Так что, в действительности, совершенно верно, что физический человек сравнительно поздно вступил на поверхность нашей земли»³⁷.

Этот период в истории человечества, еще не опустившегося на твердую почву, нашел удивительно точное и картинное отображение в лице Святогора. Нисхождение же его с гор и угрызание в землю соответствует нисхождению вниз человека с воздушных высот. Это — изгнание из рая, переданное русской былинной. Ибо библейское сказание о грехопадении и потерянном рае представляет собою нечто иное, как картинное изображение именно этого момента. «Несмотря на все поиски», говорит Рудольф Штайнер, «рай лежит не на земной поверхности, но в окрестности земли. Человек лишь впоследствии спустился из рая на землю, после того, как получил свою законченную форму»³⁸.

Подобным событиям и превращениям физического характера сопутствовали и изменения в области человеческого сознания. «...В то время, до атлантического потопа**, еще не существовало столь резкой грани между дневным и ночным состоянием сознания. Когда че-

* Здесь не место для доказательств того, что Тайповедение не противоречит основоположениям современной науки, но углубляет и дополняет их. Компетенция науки, вообще, ограничивается рамками описания и изучения наблюдаемой данности; неоднократно попытки ее установить а priori принципиальную возможность или невозможность какого-либо явления, неизменно подчеркивали ее близорукость в этом отношении. — С другой стороны, данные Тайповедения неоднократно находили себе подтверждения со стороны науки и практической жизни.

** Атлантида постепенно разрушалась под влиянием грандиозных воздушно-водных сейсмических катастроф. Окончательное исчезновение ее в водах современного Атлантического океана относится к X веку до Р. X.

ловек того времени погружался в сон, его внутренние переживания не были так темны и бессознательны, как теперь; но, когда во мрак погружались картины дневной жизни, перед ним открывались картины духовной жизни, и он находился в области духовного мира; а когда он по утрам снова погружался в свое физическое тело, во мрак уходили переживания и истины божественно-духовного мира, и перед ним представляли картины современной действительности, современное минеральное, растительное, животное царство и т. д.»³⁷.

Описываемый период атлантической эпохи был переходным для состояний сознания. До этого времени человек был совершенно слеп для физического мира, но вполне сознателен в мире духовном; после этого, т. е. ближе к нашему времени, он, наоборот, сознателен в физическом мире и слеп для духовного. В упомянутый переходный период человек терял духовное сознание, в той же мере приобретая физическое. Но последнее могло развиваться лишь по мере отмирания духовного, — и бодрствование Святогора, не вполне еще утратившего таковое, не было, поэтому, столь полным, сколь в позднейшая времена. Его сознание, не будучи еще совершенно слепым в духовном мире, не достигало также степени полного бодрствования в мире физическом, в котором оно находилось еще в полубодрственно-полусонном состоянии. — Вот почему Илья Муромец встречает Святогора, дремлющим на коне.

Задачей атлантической эпохи было ввести в человека способность самосознания, сознания своего «Я»³⁷. Для этого в человеке вырабатывались различные органы, главным образом его мозг. Последний должен был сделаться носителем бодрственного сознания, теперешнего интеллекта, который в настоящее время наглухо прикован к мозгу. Но в то переходное время сознание погружалось в мозг не столь глубоко и лишь днем, во время бодрственного или полубодрственного (у Святогора) состояния. Во время сна оно снова освобождалось, погружаясь в образы и переживания духовного мира*. Этот мозг в своей черепной коробке представлен в виде хрустального ларца Святогора; духовное

сознание его (жена) заключено в ларце во время поезда по горам, т. е. во время относительного бодрствования Святогора, и освобождается в периоды его сна. — В конце же атлантической эпохи, когда, с развитием бодрственного состояния сознания, способность духовного сознания должна была исчезнуть, Святогор убивает свою жену. А затем, с гибелью Атлантиды, погибает и он сам.

ПОСЛЕАТЛАНТИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ. САМСОН, МИКУЛА, ВОЛЬГА И ИЛЬЯ

Как известно из Тайноведения, незадолго до гибели Атлантиды великий Посвященный, именем Ману, с группой своих учеников покинул обреченный материк и ушел в уединенную область средней Азии, чтобы приготовить из них руководителей для будущих культур послеатлантической эпохи. Семь Посвященных из его учеников сделали впоследствии учителями и руководителями тех людей, которые в первый период послеатлантической эпохи жили в южной области Азии — древней Индии³⁶. Там была создана величественная древне-индусская культура, культура семи святых Риши, позднейшим отголоском которой являются удивительные книги Вед³⁷. Основным настроением этой культуры было устремление обратно в духовный мир. Люди «чувствовали, что в том мире находилась их родина... Сверхчувственный мир ощущали они как истинный... и стремились всеми силами открыть себе возможность прозрения в этот истинный мир»³⁶. Ибо люди знали из легенд и преданий, что «было время, когда предки их взирали в духовный мир, когда они жили в кругу духовных существ и богов, когда они находились в сфере глубокой духовной действительности»³⁷. И неотразимое внутреннее устремление, основанное на живом воспоминании о недалеком прошлом, влекло человека туда, в этот духовный мир, заставляя его пренебрегать физическим

миром, чуждаться его, избегать его, как обманчивый мираж, иллюзию, Майю.

Отражением этой древне-индусской культуры семи великих Риши является в русских былинах богатырь Самсон Самойлович, с его «семью золотыми власами на голове». К сожалению, о нем известно очень немногое; так, он «ездит, хотя и неохотно поляковать»¹. В былинах его постоянно смешивают со Святогором; соединение Святогор-Самсон нередко встречается и в исследованиях. Это тем более естественно потому, что все помыслы и взоры древне-индусской культуры были устремлены назад, к прошлому, к минувшей эпохе Святогора; эта культура стремилась снова пережить его, воплотиться в его личности. — Неудивительно, поэтому, что в былинах некоторые черты Самсона оказались перенесенными на Святогора, в частности, вышеописанное основное устремление древне-индусской культуры обратно в духовный мир, развившееся у Святогора в желании «повернуть землю краем вверх, смешать земных с небесными». — При всех вышеуказанных возможных искажениях в тексте былин, подобное частичное смешение двух смежных эпох представляется по меньшей мере безобидным.

Но смысл дальнейшего развития состоит в том, что человек привыкает понемногу оценивать по достоинству физический мир, в который он был поставлен в послеатлантическую эпоху. «Шаг вперед по сравнению с древней Индией представляет собою вторая культурная эпоха, также доисторическая, которую мы называем по имени тех народов, которые впоследствии населяли эти области, древне-персидской культурой, имея снова в виду не позднейшую персидскую, но доисторическую культуру»³⁷.

Своим настроением, своим мироощущением этот второй период существенно отличается от древне-индусского. В то время, как индусы стремятся уйти от иллюзорного мира, бежать от него, персы «начинают ценить Майю или иллюзию... и она становится для них полем деятельности. Правда, они еще считают его чем-то враждебным, что нужно преодолеть, но у них

появляется надежда, что они смогут внедрить з него силы добрых божеств... пронизать его божественно духовными силами. Так люди древне-персидской культуры начинают ощущать реальность физического мира и работать над ним»³⁷.

Представителем этой древне-персидской культуры в русских былинах является Микула Селянин ович. Грандиозная картина физического мира, как поля для деятельности, для пронизывания его светлым божественным началом, выразилась в образе земледельца, обрабатывающего землю, причем внедряющиеся в землю, разворачивающие и раскидывающие ее омешки и присошек сделаны из «чиста серебра и красна золота», символизирующих духовные силы. Этот мотив внедрения золота и серебра в землю очень близок русскому народному духу, чувствующему свою родственную связь с древне-персидской культурой*, и попадает очень часто, как в песнях,

*«Уж я золото хороню, хороню,
Чисто серебро хороню, хороню...»*

так и в сказках, наравне с мотивами похищения золота.

Затем наступает третий культурный период, приближающий нас все более к историческим временам — халдейско-египетская культура. Снова сделан шаг вперед в смысле завоевания физического мира. Люди более не считают его только враждебным или ненужным. «Человек уже устремляет свои взоры к звездам и говорит себе: «Эти звезды не только Майя, не только видимость». И он углубляется в созерцание звездных путей, он изучает движения светил, изменения, происходящие в созвездиях. И он говорит себе: «Это — внешнее выражение управляющих миром богов, это письмена, начертанные богами». Внешнее, наблюдаемое чувствами, не есть только видимость, оно — откровение богов»³⁸. То, что прежде казалось иллюзией, Майей, обманчивым миражем, начало подвергаться внимательному изучению. Таким образом «возникает внешняя наука.

* См. примеч. стр. 63.

Человек изучает помыслы богов, и он чувствует, что должен создать связь между своей собственной деятельностью и тем, что находится в материи в виде божественных писем, что должна существовать гармония между происходящим на небе и на земле»³⁷.

Это настроение замечательно точно передано в образе богатыря Вольги Всеславича, являющегося представителем этого (третьего) культурного периода. В начале быliny, при описании событий, сопутствующих его рождению, ясно указывается на связь между небесными и земными явлениями:

*«Закатилось красное солнышко,
Закатилось за горушки высокия,
За моря глубокия широкия,
Разсаждались часты звезды по светлу
небу —
Нарождался на матушке святой Руси
Молодой богатырь Вольга Всеславьевич...»*

Не менее ясно указывается на возникновение внешней науки в том месте быliny, где упоминается об изучении молодым Вольгой всяческих «хитростей-мудростей», применяемых затем для деятельности в физическом мире. В оборотничестве его отражается уже позднейший период упадка халдейско-египетской культуры, выразившийся в пышном расцвете наихудших проявлений черной магии³⁹.

Таким образом, люди «все более спускаются в Майю и пронизывают материю тем, чего может человек достигнуть. В четвертый культурный период, греко-латинский, человек выносит свое внутреннее существо во внешний мир... Человек объективирует себя в материи, в формах... Он сам выступает в физический мир и создает в нем свое отображение... В римской культуре человек создает его в государственных учреждениях... Человек спускается до понимания материи, до брака между Майей и духом... В этот четвертый культурный период послеатлантической эпохи человек находится в полной гармонии с окружающим миром. С этим периодом совпало появление христианства. Ибо только это

время, когда человек как бы сросся с внешней действительностью, было в состоянии постичь, что божественное может проявиться в отдельном человеке... Всякое предыдущее время легко могло бы понять что угодно, кроме этого; оно чувствовало бы, что божественное является слишком высоким и возвышенным для того, чтобы проявиться в отдельном человеке... Но Христианство могло возникнуть также лишь тогда, когда люди не настолько внедрились еще в материю, чтобы переоценить ее, чтобы погрузиться в нее с головой, как в наше время, но еще были в состоянии одухотворить ее... Поэтому вся история человечества распадается для христианского сознания на дохристианское и на христианское время. Богочеловек мог быть постигнут человеком лишь в определенное время»³⁷.

Представителем этой греко-латинской культуры является в былинах Илья Муромец. Это вытекает уже из слов калик-перехожих, перечисляющих и характеризующих Илье Муромцу опасных для него богатырей:

*«...А только не выходи драться
С Святогором богатырем:
Его и земля на себе через силу носит;
Не ходи драться с Самсоном богатырем:
У него на голове семь власов ангельских;
Не бейся и с родом Микуловым:
Его любит матушка сыра-земля;
Не ходи еще на Вольгу Всеславича:
Он не силою возьмет,
Так хитростью-мудростью...»*

Четвертая культура эпоха. Илья Муромец «в центре времени».

Достоинно внимания, что калики-перехожие (сам Исус Христос, два Апостола) перечисляют богатырей в пол-

* К более отдаленным периодам атлантической эпохи могут быть отнесены богатыри Дунай Иванович, Сухман и Колыван (былины нередко величают Святогора по отчеству Колывановичем). К сожалению, более детальное ознакомление с фигурами этих богатырей невозможно за недостатком места.

ном согласии с порядком представляемых ими культур:

Конец атлантической эпохи*: Святогор.

После-атлантическая эпоха:

1. Древне-индусская культура: Самсон Самойлович.

2. Древне-персидская культура: Микула Селянинович.

3. Халдейско-египетская культура: Вольга Всеславич.

4. Греко-латинская культура: Илья Муромец.

Эти же указания калик-перехожих были в свое время использованы исследователями для разделения богатырей на старших — до Ильи Муромца, и младших — после него. Можно сказать, что, подобно тому, как «история человечества распадается на дохристианское и христианское время», так и «история богатырей распадается на период до Ильи Муромца и после него». Тем более, что Илья Муромец, как первый христианский богатырь, представляет в своем лице и эпоху возникновения христианства, т. е. былины с удивительной точностью относят его к тому именно периоду в человеческой истории, когда

«... Сам Исус Христос, два апостола...»

действительно исторически впервые ходили по земле. К этому же периоду исторически относится и основание Руси. — Поднимаясь со своего ложа милостью калик-перехожих одновременно с зарождением русского государства, Илья Муромец тем самым оказывается представителем русского народа, просветляемого импульсом Христа.

*

Встречи старших богатырей между собою являются отражением переходных стадий от одного культурного периода к другому. То, что происходит на протяжении веков, сгущается в былинах в кратковременную встречу. Народ противопоставляет в своем сознании различные культурные периоды, давая им соответствующую характеристику, поразительную по своей глубине и меткости.

*«...Повернул бы землю краем вверх,
И смешал бы земных со небесными!...»*

Встреча Святогора-Самсона с Микулой Селяниновичем противопоставляет древне-индусскую культуру древне-персидской.

Основное устремление древне-индусской культуры было направлено вверх, прочь от земли, от физического мира, представлявшего собою для мировоззрения этой культуры лишь обманчивый мираж, иллюзию, Майю. Настроение это прекрасно передано в строках:

Следующая, древне-персидская культура была проникнута совершенно иными настроениями: не бежать нужно от земли, от физического мира, но преодолевать его, преобразовать его с помощью светлого божества. Элемент этого начавшагося преодоления отразился в былинах в образе сумочки переметной заключавшей в себе тягу земную, которую свободно носит представитель древне-персидской культуры, но безсилен поднять представитель культуры древне-индусской, бежавшей от физического мира и, потому, остававшейся безсильной в его пределах.

*

Встреча Микулы Селяниновича с Вольгой Всеславичем изображает переход древне-персидской культуры в халдейско-египетскую. Древне-персидская культура одухотворяла физический мир, взрывала и вспахивала землю серебром и золотом, духовными импульсами преодолевала инертность материальной массы. Эта культура ощущала еще живое веяние духовности; в мирозерцании ее жило еще ясное переживание взаимодействия между духовным и физическим мирами.

Не то было уже во времена следующей, халдейско-египетской культуры. Процесс погружения в материальный мир безостановочно продолжался. Вместе с тем понемногу утрачивалось столь живое ощущение духовных реальностей, которое было еще возможно для предыдущей культуры. Древне-персидская культура еще только внедряла духовное в землю, стремилась одухотворить физический мир; для нея духовное было еще отдельно и отделимо от физического. Халдейско-египетская культура нашла уже это духовное глубоко в физи-

ческом; она ощущала, что дух глубоко проник в физический мир, что он неотделим от него, слит с ним, как бы прикован к нему³⁸.

Сошка у Микулы Селяниновича, с серебряными омешиками и с золотым присошком, изображает духовное начало, взрыхляющее, преодолевающее физическую материальность. Для эпохи Микулы еще не представляло никакой трудности разделить эти два начала: Микула свободно выдергивает сошку из земли, подбрасывает ее под облака и закидывает за раки-тов куст. Представитель же следующей культуры, Вольга Всеславич, со всей своей дружиной, не в силах уже сдвинуть ее с места.

*

Как видно из вышеизложенного, большинство старших богатырей является представителями различных культурных периодов в их наиболее характерных и общих проявлениях. Не то Илья Муромец: возставая с ложа милостью калик-перехожих — самого Иисуса Христа и двух апостолов — одновременно с зарождением христианства и образованием русского государства, он является не столько представителем тогдашней греко-латинской эпохи, сколько носителем чисто русского народного христианского элемента. Также и следующие за ним младшие богатыри, сохраняя соответствие дальнейшим культурным периодам, приобретают все более и более русские национальные черты.

Жизнь и подвиги Ильи Муромца и младших богатырей дают яркую картину духовного пути русского народа в прошлом и будущем. Особая трудность для понимания этих былин заключается в том, что они изложены совершенно особым способом, свойственным творческому сознанию древнего времени: речь может идти о чисто внешних фактах и событиях, и незаметно переходить затем на внутренние душевные переживания, без того, однако, чтобы тон изложения как-либо изменился или чтобы был какой-либо внешний намек на то, что подобный переход имеет место⁴⁰. С другой стороны «для оккультиста не существует ничего только внешнего, только материального. Все материальное

является для него выражением душевно-духовного»³⁷... Поэтому многие события в жизни Ильи Муромца могут быть поняты лишь при одновременном изучении их с самых различных точек зрения.

Об Илье Муромце известно, что он тридцать три года «сиднем сидел» без рук и без ног, днем и ночью усердно молясь Богу. Но постоянно

*«...и во сне и въявь
Соловей разбойник представлялся —
И молиться окаянный не давал ему!..»*

Этими словами былина ясно указывает с первых же строк, какую значительную роль в жизни Ильи Муромца играл этот зловещий Соловей-Разбойник.

Затем появляются калики-перехожии, «Иисус Христос с двумя апостолами». Происходит исцеление Ильи. Он вскакивает, потчует калик пивом, отпивает затем сам, чувствует «здравие в себе великое», подносит каликам вторично, отпивает и сам опять, после чего чует в себе

*«силушку великую:
Кабы столб был от земли до небушка,
Во столбу утверждено золото кольцо —
За кольцо бы взял—святорусску поворотил!»
Говорят калики промеж себя:
«Много силушки дано Илье!
Не снесет его мать-сыра земля,
Надо будет поубавить ему силушки...»*

Илья потчует калик в третий раз и отпивает снова. Он чувствует при этом, что его сила

«...убавилась будто на половинушку...»

После этого калики дают ему указания, как достать богатырского коня, с какими богатырями бороться и кого избегать, открывают ему кое-что из его грядущей судьбы. Илья Муромец выполняет все сказанное, достает себе коня, берет благословенье у отца и отправляется в Киев

*«...Заложиться за князя Владимира,
Послужить ему верою, правдою,
Постоять за веру христианскую...»*

Дорогой он освобождает Чернигов и берет в плен Соловья-Разбойника, которого убивает затем во дворе князя Владимира. После этого происходит его вышеописанная встреча со Святогором.

Как бы ни разсматривать тридцатитрехлетнее сиденье «сиднем» Ильи Муромца: с точки ли зрения физической — считая его больным паралитиком, с точки ли зрения духовной — в смысле его полной беспомощности и бездеятельности в духовном мире, или допуская одновременное сосуществование того и другого, параллелизм духовных и физических явлений, согласно принципу Тайноведения, что все материальное, физическое является лишь внешним выражением, внешним откровением духовного — то все же не подлежит никакому сомнению, что Илья поднимается со своего ложа для активной деятельности именно в силу изливающегося на него импульса Христова, воспринимает его всем своим существом — ибо импульс Христа пронизывает всего человека — и следует за ним. В чем заключается этот импульс?

Миссия Христа состоит в том, говорит Рудольф Штейнер, чтобы «принести человеку в душу внутреннюю самостоятельность, полную силу «Я»*. Отдельное «Я» должно почувствовать себя вполне самостоятельным и обособленным, вполне само-в-себе-стоящим, и сближать человека с человеком должна только любовь, приносимая в виде сзободнаго дара. Через Христов принцип должна войти в земную миссию любовь, все более и более возвышающаяся над материальностью и все более возносящаяся в духовное. Любовь произошла из низших форм, связанных с чувствен-

* По приведенным здесь отрывкам, освещающим с известной точки зрения миссию Христа, применительно к пониманию былин, — нельзя, конечно, создать себе полного представления о Христовой философии в свете Тайноведения.

ностью. В первые времена человечества те любили друг друга, кто были связаны кровными узами**, и считалось чрезвычайно важным, чтобы любовь имела этот базис кровного родства. Христос пришел, чтобы одухотворить любовь — чтобы, с одной стороны, вырвать ее из уз, коими стягивает ее кровное родство, с другой — чтобы дать силу, импульс для духовной любви. В среде последователей Ветхаго Завета мы видим в полной мере выраженным то, что можно назвать: принадлежность к групповой душе, как основа отдельных «Я» в коллективном «Я». Мы видели, что выражение «я и отец Авраам — одно» имеет большое значение для последователя Ветхаго Завета; оно обозначает погруженность в сознание, что та же кровь, которая текла в жилах отца Авраама, течет и в нем, последователе Ветхаго Завета; он чувствовал себя погруженным в целое»³⁷.

Эту характерную принадлежность древнего сознания к коллективному «Я», к общей групповой душе, с замечательной прозорливостью уловил А. Котляревский. «В эпоху юности народов», говорит он, «когда они не перешагнули еще своего природного состояния, человек почти не сознает себя, как отдельную личность, но спокойно и без намерения, без истинного знания и воли — действует, как член великого целого и живет только им, только в нем и с ним. Личность совпадает с совокупностью всего народа, исчезает в ней, а потому — как сознание человека, так и сами чувствования его являются не в особенной единичной форме, а коллективно: что сознает и чувствует он, то сознают и чувствуют все его соплеменники»²³.

Это пребывание в лоне групповой души особенно креплялось и углублялось недопущением в сферу ее пришельцев, т. е. людей, не принадлежавших к ней по своему происхождению. Эта сопринадлежность выражалась в принадлежности к одному племени, в наличии общей крови в жилах каждого соплеменника; отсюда — строгое соблюдение чистоты крови, браки

в пределах узкого круга. — В самом начале человеческого развития на земле браки совершались, вообще, лишь в самых узких кругах, в кровородственных семьях. «Близкий брак был тем, чего придерживались в начале человеческого развития»³⁷.

Но приносимая в виде свободного дара, чисто-христианская любовь человека к человеку, развитие которой является миссией Земли, могла возникнуть лишь при условии полного отрыва человека от коллективного «Я»... «Там нет истинной любви, где различные «Я» связаны друг с другом рамками групповой души. Лишь после разъединения, имевшего место в человечестве, после которого одно «Я» предстает перед другими «Я», как самостоятельная единица, лишь после него сделалась возможной любовь, как свободный дар одного «Я» другому «Я». Таким образом на земле должен был начаться все более усиливающийся индивидуализм...»³⁸.

«В силу этого», указывает Рудольф Штайнер в другом месте, «единичное человеческое «Я» высвобождалось понемногу из групповой души, из группового «Я»; человек постепенно подходил к осознанию своего индивидуального «Я»... Дать людям то, в чем они нуждались, чтобы чувствовать себя уверенно и твердо в этом единичном индивидуальном «Я» — вот в чем состояла миссия Христа. В этом смысле должны быть приняты слова, которые так легко понять превратно: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот недостойн Меня»*. Это следует понять в том смысле, что древнее кровное родство должно, благодаря принятию Христова импульса, перейти в новую форму человеческих взаимоотношений, распространяющихся независимо от материальной основы от души к душе, от человека к человеку»³⁸.

Эта борьба за индивидуальное «Я», — б о р ь б а, ибо импульс дается Христом, но «Царство Небесное силою

** В этом смысле нужно понимать кн. Левит, XIX, 18: «Не имей злобы на сынов народа твоего; но люби ближнего твоего, как самого себя».

* Мф. X, 37.

Этот знаменательный крест, стоящий на границе двух миров, неоднократно встречается в былинах в виде «креста Леванидова». Возле него «обыкновенно братаются богатыри, и от него начинаются их богатырские поездки. Затем он оказывается вообще повсюду, где начинается какое-нибудь знаменательное действие»¹. Нередко именно это значение Леванидова креста еще более подчеркивается тем, что былины помещают его на берегу «реки Смородины» (Самородины), представляющей собою, как и многие другие былинные реки, границу между физическим и духовным мирами*.

Какая опасность подстерегает Илью Муромца у реки Смородины, возле креста Леванидова? Былина ясно говорит об этом:

*«...У той славной речки у Смородиной,
У того креста у Леванидова,
Вор сидит на трех дубах да на семи суках,
Соловей Разбойник сын Рахманович;
Как засвищет он по-соловьиному,
Зашипит, разбойник, по-змеиному,
Закричит, собака, по-звериному —
От того от посвисту соловьяго,
От того от пошипу змеинаго,
От того от покрику зверинаго
Все то травушки-муравы уплетаются,
Все лазуревы цветочки отсынаются,
Темны лесушки к земле все приклоняются,
А что есть людей — то все мертвы лежат...»*

С этим страшным врагом придется сразиться Илье Муромцу у реки Смородины, возле креста Леванидова.

Соловей-Разбойник представляет собою могучую силу групповой души, кровородственных уз, преграждающих человеку прямую дорогу к его высшему «Я» (стольному Киеву — князю Владимиру — Забаве Путя-

тичне). Дерево, на котором сидит Соловей-Разбойник, есть ничто иное, как родословное, генеалогическое древо; он концентрирует свою силу на древовидных разветвлениях кровеносной системы, в крови.

На это особенно могучее проявление его силы именно в крови ясно указывает имя одной из его дочерей — Невея: этим словом называли лихорадку «в старинных заговорах на трясавицы, или лихорадки»²⁵; последняя же имеет в крови свою основную точку проявления. Самое обозначение жилища Соловья-Разбойника словом «гнездо» очень характерно для родового, семейного гнезда. Былина указывает также вполне определенно на кровородственную связь:

*«...Он сына то вырастит, за него дочь отдает,
Дочь то вырастит, отдает за сына,
Чтоб Соловейкин род не переводился...»*

Поэтому былины называют его дочерей «вещими»¹¹ и рассказывают, что «сыновья или зятья его (т. к. они женаты на своих родных сестрах), оборачиваются в воронов с железными клювами»²².

По позоду близких браков у Рудольфа Штайнера можно найти следующее замечание⁴¹: «Чем дальше возвращаемся мы в глубь времен, тем более мы находим, что люди состоят под сильным влиянием этого кровного родства. Благодаря тому, что в жилах людей текла однородная кровь, в древние времена возможны были большие магические силы. Человек, который жил в те времена и мог далеко проследить ряд своих предков, находя в их жилах лишь родственную кровь, имел в своей собственной крови магически действующую силу»*.

Этим объясняется чародейски-магический элемент, характерный для Соловья-Разбойника и всей его семьи. Страшная сила его магического действия пронизывает все существо человека: соловий свист — материальные элементы физического тела; звериный рев — всю систе-

* Подобно этому, в образе гор отражаются представления о возвышенных сферах духовного мира. Не опустившись на твердую почву, Святогор жил в воздушно-водном окружении земли. Вместе с тем, сознание его находилось в духовном мире.

* Приобретение подобных сил путем кровородственных браков невозможно уже в наше время.

му жизненных процессов (эфирн. тело); змеинный шип — весь комплекс сознательных и подсознательных ощущений (астральн. тело). Поэтому, борьба с ним оказывается столь опасной, а победа над ним столь трудной. Но Илья Муромец, силою воспринятого Христова импульса и собственной твердости, одолевает Соловья-Разбойника и убивает его перед лицом своего высшего «Я» — во дворе князя Владимира, тем самым сознательно делая первый решительный шаг на своем христианском духовном Пути.

*

Этот трудный Путь изобилует соблазнами и опасностями, корнящимися как в душе самого человека, так и в окружающих его сферах духовного мира. Все то, что затаенно таится и неслышно дремлет в глубочайших пластах душевной организации, лишь изредка отделенным эхом отдаваясь в сознании, внезапно просыпается и встает во всей своей величине перед человеком, вступающим на духовный Путь. Все то, что окружает человека в духовном мире, недоступное прежде его восприятию и враждебное его духовному развитию — внезапно обрушивается на него со всей своей силой, устрашая, соблазняя, уничтожая плоды его усилий.

На первых ступенях духовного Пути, когда импульс Христов еще недостаточно полно и глубоко воспринят человеком, его молодое и неокрепшее индивидуальное «Я», вылупившееся из групповой души, чувствует себя болезненно одиноким в холодной пустыне окружающего мира. И первым порывом его бывает желание бежать из этого мира, вернуться в покинутое им привычное лоно, возвратиться вспять к древним временам Святогора, чего так жаждала в свое время древне-индусская культура. Это настроение прорывается также у Ильи Муромца, в виде первого же импульса после чудесного исцеления. В его восклицании о желании «поворотить Святорусску» нетрудно узнать отголосок Святогоровых слов о повороте «земли краем вверх и смещении земных с небесными». Это устремление, как в корне про-

тиворечащее правильному пути человеческой эволюции, является особенно соблазнительным и опасным.

Илья Муромец, после уничтожения Соловья Разбойника, должен занять определенное положение также по отношению к этим атавистическим зовам древности. В глубинах своей души он должен пережить встречу со Святогором и его женой, — древним, атавистическим, ночным ясновидением. Илья Муромец оказывается слишком слабым, чтобы противоборствовать ей; она даже не соблазняет, а насильно заставляет его подчиниться. Правда, вскоре она погибает; но плоды этой слабости сказываются затем в виде страшной, смертельной опасности в лице Сокольника, продукта этой насильственной, мимоветной связи, возросшего незаметно для самого Ильи Муромца в глубочайших тайниках его души*. Лишь при помощи пронизанных Христовым импульсом сил земли («...Лежа силы у Ильи — втрое прибыло...») удалось ему справиться с этим страшным врагом.

Что касается самого Святогора, то его кончина была предуготована самим ходом нормальной земной эволюции. Поэтому он и находит построенный по нем гроб. Но Илья Муромец не убивает его; наоборот, он пытается даже освободить Святогора. Но силы его окрепшего «Я» (мечь-кладенец) начинают уже проявляться и действовать независимо от его низшей воли и сковывают заключающий Святогора гроб. И настолько глубоко заложная в былинах скрытая духовная мудрость, что и в этом драматическом месте подчеркивается победа не мечом, но крестом: сковавшие гроб железные обручи образовали на нем очертание креста**.

Из борьбы с атавистическими зовами древности Илья Муромец вышел победителем, в значительной мере закаленным и укрепленным, в обладании меча-кла-

* В этом месте следует еще раз напомнить, что Илья Муромец является представителем русского народа.

** Просьба Святогора, заключенного уже в гробу, рубить «вдоль по крышке по гробовой», указывает на то, что первые удары Ильи Муромца были сделаны поперек. Сочетание продольного обруча с поперечными дает очертание креста.

денца и переданной ему части Святогоровой силы. Отныне он поворачивается лицом к будущему, прокладывая себе дорогу к грядущему Свету и неся на встречу ему духовное наследие, полученное от Святогора***.

*

В бранных подвигах и в хмельном разгуле коротали время русские богатыри при дворе ласкавого князя Владимира. В их среде находился также старый Илья Муромец, восприемник древних старших богатырей. «Двух главных старших богатырей, о которых имеются отдельные былины, Вольги Всеславьевича и Микулы Селяниновича нет уже в живых; другие доживают кое-как свой век, не совершая никаких богатырских подвигов»¹. Время их активной деятельности давным-давно миновало, и слабый голос их, как отдаленное эхо прошедших древних периодов, терялся в общем хоре живых богатырских голосов.

Главными представителями окружающей Илью Муромца плеяды младших богатырей являются Добрыня Никитич, Алеша Попович и Михайло Потык. Каждый из них идет собственным духовным Путем, самостоятельно ведя борьбу с противоборствующими силами, и лишь в особо важных случаях соединяются богатыри вместе, чаще всего под водительством Ильи Муромца, для совместной борьбы с особенно сильными врагами.

Наиболее важными подвигами младших богатырей являются победы их над демоническими существами: Добрыня Никитич убивает Змея Горынчища, а Алеша Попович — Тугарина Змеевича. Змеиное происхождение обеих враждебных сил ясно указывает на их истинную природу: это внутренние душевные силы, препятствующие правильному развитию человека, вступившего на духовный Путь (Змей Горынчищ похищает и держит в плену Забаву Путятичну — высшее духовное начало в человеке). Одно из ужасных проявлений мощи Соловья-Разбойника также заключалось в змеином ши-

лении. Сверхфизический характер этих сил подчеркивается еще тем, что былины помещают их за сферой физического мира: Тугарин Змеевич обретаётся за Сафат-рекой, Змей Горынчищ — за Пучай-рекой¹. Алеша Попович и Добрыня Никитич правильно распознали истинную природу этих чудовищ, смогли, поэтому, справиться с ними и дальше идти своей дорогой. Споткнулся на своем Пути Михайло Потык, не уничтоживший враждебной силы, которую он не распознал, а давший ей приют в своей душе (женитьбой на Авдотье Лиходеевне). Былина подробно рассказывает о жестоких испытаниях, явившихся результатом этой ошибки*.

Но время шло своим чередом, и процесс эволюции неизменно продолжался. Четвертая послееатлантическая культура — греко-латинская, должна была понемногу уступить свое место пятой, германо-англо-саксонской, теперешней. Надвигалось время радио-материализма, с его полной духовной слепотой, с решительным игнорированием и отрицанием всего духовного, постепенно уходившего на задний план; знание о нем стиралось, любовь к нему утрачивалась. В душах младших богатырей — представителей этого уходящего культурного периода, равно как и в душе самого Ильи Муромца, этот процесс потускнения духовности развивался с полной силой. Характерные признаки его приведены в былине о ссоре Ильи Муромца с князем Владимиром, обидившим своего старого богатыря.

*«...Старому казаку Илье Муромцу
За досаду показалось то великую,
И он не знает что ведь сделати
Супротив тому князю Владимиру.
И он берет-то как свой тугой лук разрыватый,
А он стрелочки берет каленны,
Выходил Илья он да на Киев град,
И по граду Киеву стал он похаживать
И на матушки божьи церкви погуливать.
На церквах-то он кресты вси да повыломал,*

*** Илья Муромец получает заложенный в атлантическую эпоху зачаток человеческого «Я», чтобы одухотворить его, пронизать силами Христова импульса, высшего «Я». См. стр. 47.

* К сожалению, более глубокое изучение деталей невозможно за недостатком места. См. примеч. стр. 74.

Маковки он золочены вси повыстрелял.
Да кричал Илья он во всю голову,
Во всю голову кричал он громким голосом:
«Ай же пьяницы вы голюшки кабацкие!
Да и выходите с кабаков домой питейных
И обирайте-тко вы маковки да золочены,
То несите в кабаки в дома питейные,
Да вы пейте-тко да вина досыта»¹⁹

Здесь Илья Муромец, этот поборник веры христианской, жертвователю и строителю храмов, настолько уже опускается, что выламывает кресты и обирает маковки золоченые, чтобы пропить их с «голю кабацкой».* Но окончательное завершение вышеупомянутого процесса описано в былинах «Как перевелись богатыри на святой Руси».

Семь богатырей, в числе которых находился и Илья Муромец, выехали на заставу на Сафат-реку и заметили через некоторое время полчища «Силы неверной»:

«...Добру молодцу той силы не объехать,
Серу волку не обрыскать,
Черну ворону не облететь...»

Богатыри сполна уничтожили врагов и начали похваляться своей силой.

«...И возговорит Алешенька Попович млад:
«Подавай нам силу хоть небесную:
Мы и с тою силой, братцы, справимся!»
Только молвил слово неразумное,
Появились двое супротивников,
Крикнули им громким голосом:
«А давайте-ка вы с нами бой держать!
Не глядите, что нас двое, а вас семеро».
Не узнали супротивников богатыри**,
Разгорелся на слова их млад Алешенька,

* Потребление алкоголя усиливает процесс потускинения духовного мира для человеческого сознания³⁷.

** Очень характерное место, ясно указывающее, насколько духовное зрение было уже атрофировано в то время.

Разгоняя коня ретивого,
Налетел на супротивников,
Разрубает пополам их со всего плеча:
Стало восьмеро — и живы все.
Налетел на них Добрынюшка Никитич млад,
Разрубает по-полам их со всего плеча:
Стало вдвое боле — и живы все.
Налетает старый Илья Муромец,
Разрубает по-полам их со всего плеча:
Стало вдвое боле — и живы все.
Бросились на силу все богатыри,
Стали силушку колоть-рубить —
А та сила все растет-растет,
На богатырей боем идет...
Бились три дня и три часа,
Намахались их плечи молодецкия,
Притупились их мечи булатные —
Уходились их кони добрые.
А та сила все растет-растет,
На богатырей боем идет.
Испугались могучие богатыри,
Побежали к каменным горам,
Ко пещерушкам ко темным;
Первый только подбежал к горе,
Как на месте и окаменел;
Другой только подбежал к горе,
Как на месте и окаменел;
Третий только подбежал к горе,
Как на месте и окаменел.
С тех пор могучие богатыри
И перевелись на святой Руси!..».

ПЯТАЯ КУЛЬТУРНАЯ ЭПОХА. ВАСИЛИЙ, ЧУРИЛО И САДКО.

Таким образом закончился четвертый — греко-латинский культурный период, сменившийся пятым, теперешним, германо-англо-саксонским. Богатыри, сохранившие в себе какое-либо знание или воспоминание, пусть даже весьма смутное, о духовном мире должны

были исчезнуть и уступить свое место другим, не имевшим о нем никакого сознательного представления. Наступало время полной духовной слепоты, из которой, к концу этого пятого периода, человек снова сможет подняться к духовному, на этот раз в качестве самостоятельной, пронизанной христианскими духовными импульсами индивидуальности. — Представителями этого пятого культурного периода в былинах являются, главным образом, Василий Буслаев, Чурила Пленкович и Садко, богатый гость.

В этих былинах попадают совершенно новые мотивы, которых не знали прежние времена. Младшие богатыри греко-латинского периода, в силу увлекавшей их эволюции, постепенно отворачивались от духовного мира; но время от времени они получали весть о нем и влияние его импульсов через людей, опередивших их в своем развитии и поднявшихся уже снова на известную ступень духовного познания. Люди эти, бездомные калики-перехожие, отражают в себе образ тех людей, которые называются в Тайноведении «людьми без родины»³⁷. Смысл этого обозначения заключается в том, что они, на пути своего духовного развития, переросли рамки, налагаемые на человека принадлежностью к какому-либо одному народу или расе, и поднялись до общечеловеческой христианской любви, которую они разносили по всему свету. На это символически указывалось в древности тем, что они должны были предпринимать далекие путешествия³⁷. В былинах киевского цикла эти калики-перехожие оказываются всегда сильнее младших богатырей, одалживают им свои одежды и «шелепугу подорожную», когда богатыри начинают робеть и опасаются предстать перед врагом в своем обычном виде.

Ничего от этого не осталось уже к началу пятого, теперешнего культурного периода. Представитель его, Василий Буслаев, замечательно точно отражает характер современной духовной жизни. Он не верует «ни в сон, ни в чох», с издевательствами убивает «Старчище-Пилигримище» (отголосок древних калик-перехожих), кощунствует и, наконец, погибает, при попытке

насилованно ворваться в духовный мир (в силу которого он, впрочем, не верит и с законами которого не считается) с своим собственным произволом, вытекающим из его буйной натуры. Лишь перед самой смертью переживает он момент просветления.

*«...Заезжали на Фавор-гору...
Увидали камень превеликий тут,
Превеликий бел-горюч камень...
На камне подпись да подписана:
«Кто у камня станет тешиться,
Тешиться да забавляться,
Камень вдоль да перескакивать —
Тому буйну голову сломить».
Разгорелось сердце молодецкое,
Говорит Василий сын Буслаевич:
«Уж давайте-ка вы, братцы, тешиться,
Тешиться, да забавляться:
Вы скачите поперек камня,
Поперек камня да на перед лицом,
Сам я вдоль скачу назад лицом».*

Этот превеликий бел-горюч камень есть ничто иное, как камень-Алатырь⁴, изображающий собою высшую сферу духовного мира*. Попытка прыгать через него вдоль — не только вопреки сделанной на нем надписи — но еще «лицом назад», прекрасно характеризует устремления и отношения к духовному миру нашего культурного периода, с одной стороны — не желающего считаться с духовными закономерностями и пренебрегающего ими, но пытающегося — с другой сторо-

* См. А. Блок: «Этот Алатырь, Латырь или Алатр-камень, белый, горючий, светлый, синий, серебряный — светится в центре массы заклинаний и обладает чудодетственной силой. Лежит он на Море-Океане, на острове Буяне...»⁴. Автору посчастливилось установить, что в образе камня Алатыря, в былинах, сказках и т. п., отражаются высшие сферы духовного мира, отображающиеся в мире физическом в виде дневного или ночного светила. «Остров Буян» — есть ничто иное, как круг зодиака, отображающий в физическом мире некоторые низшие сферы сверхчувственного мира (астральный план). «Море-Океан» есть небесная — космическая ширь. См. также примеч. стр. 67.

ны — овладеть ими по собственному произволу и вслепую. Эта попытка стоит Василию Буслаеву жизни:

*«...Сам Василий разбежался вдоль камня
скочил,*

*Вдоль камня скочил назад лицом —
И задел за камень чоботом сафьянным,
О сыру землю головушкой ударился,
А и тут же ли кончаться стал.
Умирая, братии наказывал:*

*«Вы скажите, братцы, родной матушке,
Что сосватался Василий на Фавор-горе,
Что женился на том бел-горючем камешке...»*

Так в конце пятого культурного периода происходит примирение, мистическое воссоединение, брак человека с духовным миром.

Более поздний период этой культуры нашел свое правдивое отображение в образе Чурилы Пленковича. С одной стороны, в столкновениях с киевскими мужичками, он ясно проявляет черты буйного удальства, сближающая его с Василием Буслаевым:

*«...Тут толпа мужичков появилась,
Все-то мужички-рыболовчички,
А и все-то избиты-изранены,
Булавами головы пробиваны,
Кушаками буйныя завязаны*;
Кланяются князю, поклоняются,
Бьют челом, жалобу творят:*

*«Здравствуй, солнышко Владимир князь!
Дай, государь, нам праведный суд,
Дай на Чурилу сына Пленковича...»*

Этот период деятельности последнего относится еще к началу пятой культуры, знаменуемой драками и боями также в былинах о Василии Буслаеве. Мужички жалуются князю Владимиру на Чурилу Пленковича и его друзей, которые

* Затем в столь же плачевном виде появляются с аналогичными просьбами «мужички-птицеловчички» и «мужички-звероловчички».

*«...Белую рыбицу повыпугали,
Щук, карасей повыловили,
Мелкую рыбицу повыдавили...»*

*«...Всех ясных соколов повыхватили,
Всех гусей-лебедей повыловили,
Всех серых утушек повыстреляли...»*

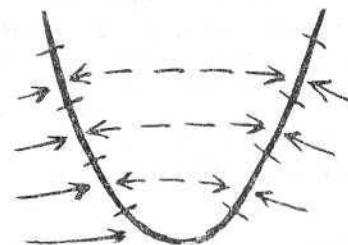
*«...Кунку да лиску повыловили,
Черного соболя повыдавили,
Туров, оленей повыстреляли...»*

Из данных Тайноведения известно, что пятая культура является в известном смысле родственной третьей, халдейско-египетской, представителем которой в былинах служит Вольга Всеславич*. Эта родственность недвусмысленно подчеркнута в былинах тем, что вышеуказанные «подвиги» Чурилы Пленковича в точности повторяют таковые Вольги Всеславича, который

*«...Загонял в тенета куниц и лисиц,
Всяких диких зверей и черных соболей;
Ни медведю, ни волку спуску нет...»*

* Тайноведение не разделяет взгляда, свойственного некоторым восточным школам, что процесс миростановления представляет собою цикл ритмических повторений, в виде постоянного возвращения к исходным точкам. — Внутренняя связь между будущим, настоящим и прошлым заключается в том, что импульсы, заложенные в виде нежных ростков в течение одного культурного периода, восходят, в виде зрелого плода, в соответственном родственном периоде.

1. Др.-индусск. культура
2. Др.-персидск. культура
3. Халд.-егип. культура
4. Греко-лат. культура

7. Седьмая культура
6. Славянская культура
5. Современная культура

Из этой схемы, указывающей последовательность культурных периодов в после-атлантическую эпоху, становится наглядной родственность третьего периода с пятым, второго — с шестым и первого — с седьмым. Но в каждом из последних периодов созревают ростки, заложенные в первых. Это — прохождение аналогичных состояний, но на более высокой ступени.

*«...Заворачивал в сети гусей-лебедей,
Серых уток и малых пташечек...»
«...Из глубоких станов рыб повыпугал,
Заворачивал рыбу-семжинку, белужинку,
Дорогую рыбку осетринку,
Брал и щученьку, малую плотиченьку...»*

Правда, в то время, как Вольга Всеславич прибегал для этого к оборотничеству, оборачиваясь то «лютым зверем», то «ясным соколом», то «рыбой-щучиной», Чурила Пленкович применял более соответствующие его культурному периоду методы, т. е. избивая мужиков и пробивая им головы.

Но, с другой стороны, в нем отчасти замечается уже влияние приближающегося следующего культурного периода. Чурила Пленкович не возстает против духовных законов, подобно Василию Буслаеву; наоборот, он строго согласуется с ними:

*«Солнце на небе — солнце и в тереме,
Месяц на небе — месяц и в тереме,
Звезды на небе — звезды и в тереме.
По небу звездочка покатится —
В тереме звездочки посыплются; —
Все по небесному в тереме...»*

Тем не менее, Чурила Пленкович не поднялся еще настолько высоко, чтобы обрести окончательно свое духовное «Я». Он не может даже удержаться при дворе князя Владимира, а становится лишь вестником грядущего культурного периода, делаясь «ласковым зазывателем» и зазывая гостей «во почестен пир» ко князю Владимиру. — Так на перевале пятого культурного периода духовный мир обращается с призывом к миру физическому.

БУДУЩЕЕ РАЗВИТИЕ. СТАВР, СОЛОВЕЙ И ДЮК

При дальнейшем нормальном ходе эволюции. Шестой послееатлантический период знаменует собою пышный расцвет славянской культуры и представляет собою, известным образом, возрождение на более высокой

ступени древне-персидского периода, отраженного в лице Микулы Селяниновича. На связь этих двух периодов ясно указывает тот факт, что представитель наступающего шестого культурного периода, Ставер Годинович, женат на дочери Микулы Селяниновича, Василисе Микуличне. Она уже в значительной мере преображена духовно и высоко развита интеллектуально:

*«...Как во лбу то у нея светел месяц,
По косицам — звезды частыя...
Всех вас, князей-бояров, продаст, да выкупит;
А тебя, Владимира, с ума сведет».*

Благодаря этому ей удастся спасти мужа из холодной темницы, куда князь Владимир заключил его за похвальбу.

(Не то представляла собою другая дочь того же Микулы Селяниновича, Настасья Микулична, жена Добрыни Никитича. Она не поднялась до уровня развития своей сестры, Василисы. Сам муж ее, Добрыня Никитич, отзывается о ней с пренебрежением:

*«...Не дивуюсь разуму я женскому:
Волос бабий долог, ум-то короток»...*

Несмотря на просьбу Добрыни Никитича выходить, в случае его смерти, замуж за кого угодно, кроме Алеши Поповича, она все же выходит за последнего. В ее личности отражается еще необработанный, атавистический отпрыск духовности второго культурного периода; поэтому она и не в силах спасти Добрыню Никитича от окаменения).

*

Дальнейший расцвет шестого культурного периода отображен в лице Соловья Будимировича, богатыря преображенного и одухотворенного, разносящего по всему миру великие духовные импульсы (Будимир). Прямой путь приводит его ко двору князя Владимира, за племянницей последнего, Забавой Путятичной.

Соловей Будимирович строит для нея волшебный терем:

*«...Солнце на небе — солнце и в тереме,
Месяц на небе — месяц и в тереме,
Звезды на небе — звезды и в тереме,
Зори на небе — зори и в тереме,
А и вся красота поднебесная...»**

То, что было еще недоступно для других богатырей, удается ему без особого труда. Соловей Будимирович добивается руки Забавы Путятичны. Они

*«...Золотыми перстнями обручались,
Золотыми венцами повенчались...»*

и уехали затем вместе

*«...Ко тому лукоморью зеленому,
Да во славную землю Веденецкую».*

Таким образом, шестой — славянский культурный период призван воплотить на земле великий духовный идеал.

Представителем седьмой после-атлантической культуры является Дюк Степанович. Согласно данным Тайноведения, эта культура состоит в известном родстве с древне-индусской, на что ясно указывают первые же строки былины:

*«...Как во той во Индии богатой...
Не ковыль-трава по ветру колыхается,
Да не белая березка погибается —
Сын со родной матушкой прощается,
Молодой боярин Дюк Степанович
Со честной вдовой Мамельфой Тимофеевной...»*

О величии и красоте этого культурного периода, несущего, правда, несколько своеобразный характер,

можно составить себе представление по описанию тех необычайных сказочных богатств, коими располагает Дюк Степанович. Являясь зрелым плодом всех предыдущих культур, этот период, замыкающий цикл после-атлантической эпохи, не содержит более в себе новых принципов дальнейшего духовного развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в свете Тайноведения ясно обрисовываются очертания заложенной в былинах грандиозной проблемы общечеловеческого вообще — и русского в частности — духовного Пути. Весь цикл былин складывается в одно стройное и величественное целое, в котором каждая былина и каждый богатырь находят себе подобающее место, в котором все составные части гармонируют как друг с другом, так и со всем целым, еще более подчеркивая слабость существующих радио-материалистических теорий и гипотез. — Несмотря на все проникшие в текст былин искажения, несмотря на все отразившиеся в них многообразные влияния — не только не пострадала цельность заложенного в них духовного мирозерцания в своих основных чертах, но и существенные детали сохранились, в большинстве случаев, в своем правильном отвлечении: но это доказывает, насколько глубоко сроднился народ с внутренним существом былин, отражающих в картинной форме непреходящую духовную реальность. В этом смысле становится понятным и замечаемое сходство эпических сказаний у различных народов; все они проходят через сходные, в известной степени, этапы духовного развития, которые запечатлены в более или менее сходных формах, в зависимости от характерных свойств преломляющего их сознания, присущего данному народу, и от особенностей его творческого гения.

Но изначальный, основной процесс созидания былин, композиции всего былевого эпоса, отнюдь не может быть приписан народу в целом, как некоторому коллективу. На первых ступенях человеческого развития, когда людям было еще свойственно картинное сознание, ду-

* См. стр. 71.

ховные Учителя и руководители человечества излагали доступные их непосредственному созерцанию духовные реальности и закономерности в образах и картинах, соответствовавших ступени общего развития и характеру сознания народных масс; эти поучения глубоко внедрились в народную толщу и дошли до нашего времени в виде былин, легенд, преданий, некоторых апокрифов, сказок и т. п. Но нашему интеллектуальному времени свойственны другие формы познания; оно зиждется не на картинных описаниях, но на интеллектуальных понятиях; духовный мир должен раскрываться человеческому сознанию не в картинно-драматических формах, но в виде Духовной Науки.

Эту Духовную Науку, открывающую каждому человеку «путь познания, стремящийся привести духовное в человеке к духовному во вселенной»⁴³, составной частью которой является Тайноведение, создал д-р Рудольф Штайнер. Труды его, охватывающие мир, известны в настоящее время сравнительно небольшому кругу его учеников и последователей; но число их непрерывно растет и будет возрастать с каждым годом, по мере проникновения в массу понимания целей, указанных Рудольфом Штайнером⁴³, и по мере углубления и расширения в человечестве сферы духовных исканий, неудовлетворенных и неудовлетворяемых современным радио-материализмом. И те из нас, которые серьезно задумываются над значением происходящих в настоящее время событий, в частности — над занимающей центр общественного внимания трагической судьбой России, и ставят притом во главу угла не стремление выразить тем или иным способом свое личное отношение к происходящему, но желают добиться его понимания, — могут достигнуть этого лишь при помощи того же источника света, который так ярко освещает всю глубину духовной мудрости, заложенной в русских былинах.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. В. Авенариус. «Книга былин». Москва. 1893.
2. В. Миллер. «Очерки русской народной словесности». Москва. 1897.
3. П. Рыбников. «Русские народные песни». Москва, 1861.
4. «История русской литературы», под ред. Е. Аничкова, А. Бороздина и Д. Овсяннико-Куликовского. Москва. 1908.
5. П. Полевой. «История русской словесности». Москва. 1900.
6. В. Миллер. «Ассирийские заклинания и русские народные заговоры».
7. И. Порфирьев. «История русской словесности». Казань. 1913.
8. П. Безсонов. «Калики-перехожие». Москва. 1861.
9. О Миллер. «Опыт исторического обозрения русской народной словесности». Москва. 1897.
10. В. Халанский. «Великорусские былины киевского цикла». Варшава. 1885.
11. Ф. Буслаев. «Русская хрестоматия». Москва. 1888.
12. А. Пыпин. «История русской литературы». СПб. 1898.
13. О. Миллер. «Илья Муромец и богатырство киевское». СПб. 1869.
14. А. Афанасьев. «Поэтические воззрения славян на природу». Москва. 1868.
15. Л. Майков. «О былинах Владимиров цикла». СПб. 1863.
16. В. Стасов. «Происхождение русских былин».
17. А. Брюкнер. Духовное развитие России в зеркале ее эпоса. Тюбанген. 1908.
18. А. Рембо. Русский эпос. Париж. 1876.
19. А. Гильфердинг. «Онежские былины». СПб. 1893.
20. А. фон Рейнгольд. «История русской литературы». Лейпциг. 1886.
21. Д. Шеппинг. «Наши письменные источники о языческих богах русской мифологии». Воронеж. 1889.
22. «Русские народные былины». СПб. 1883.
23. А. Котляревский. Сочинения. СПб. 1889.

24. Ф. Буслаев. «Русская народная поэзия». СПб. 1861.
25. А. Ветухов. «Заговоры, заклинания, обереги и другие виды народного врачевания, основанные на вере в силу слова». Варшава. 1907.
26. А. Веселовский. «Южнорусские былины». СПб. 1881.
27. Кирша Данилов. «Древняя российская стихотворения». Москва. 1878.
28. М. Сперанский. «История древне-русской литературы». Москва. 1921.
29. Б. Соколов. «О былинах, записанных в Саратовской губернии». Саратов. 1921.
30. А. Веселовский. «Розыскания в области русского духовного стиха». СПб. 1889.
31. «Песни, собранные П. Киреевским». Москва. 1868.
32. А. Веселовский. Собрание сочинений. СПб. 1913.
33. «Былины» под ред. А. Чудинова. СПб. 1893.
34. А. Галахов. История русской словесности.
35. Г. Потанин. Восточные основы русского былинного эпоса.
36. Р. Штайнер. Очерк тайноведения. Дорнах. 1925. (Библ. № 13).
37. Р. Штайнер. Евангелие от Иоанна. Дорнах. 1928. (Библ. № 103).
38. Р. Штайнер. Мир, Земля и Человек. Дорнах. 1930. (Библ. № 105).
39. Р. Штайнер. Евангелие от Марка. Дорнах. 1930. (Библ. № 139).
40. Р. Штайнер. Переломные пункты духовной жизни. Дорнах. 1927. (Из библиот. №№ 60 и 61).
41. Р. Штайнер. Евангелие от Иоанна в отношении к трем другим Евангелиям — особенно к Евангелию от Луки. Дорнах. 1928. (Библ. № 112).
42. Р. Штайнер. Египетские мифы и мистерии. Дорнах. 1931.
43. Д-р К. Унгер. «Что такое Антропософия?». Париж. 1932.

ПОСЛЕСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ

Кто автор этой книги? На титуле стоит Д. Барлен. Мы вынуждены ограничиваться инициалом, потому что не знаем полного имени. В Германии говорят Дмитрий, но не исключено, что настоящее имя автора Дмитрий. Потому что книга издавалась один единственный раз в 30-х годах в Париже по-русски и, возможно, автор ее — один из многих раскиданных судьбой по миру сынов России или их потомок, потерявший родину физическую и там, в эмиграции, нашедший Россию как родину духовную. Как это произошло? Каков был его путь к духовной науке? Уверены, знать это было бы нам интересно и поучительно.

Может быть, со временем мы найдем ответ на эти вопросы. Возможно, с помощью наших читателей. И тогда, при переиздании, расскажем об авторе подробней. А пока издаем так, как есть. Вопреки отсутствию полной информации о судьбе автора и его книги, вопреки растущей дороговизне бумаги и полиграфических услуг, неважному качеству копии, которой мы располагаем. Ее нельзя воспроизвести репринтно, а высокой печатью невозможно повторить старую орфографию: в линолите нет необходимых знаков.

Но нельзя медлить. Книга эта нужна сегодня. Сегодня, когда русские ищут Россию и когда многих эти поиски из-за неумелого подхода уводят в прошлое, превращают в его пленников. Плененные прошлым не могут понимать настоящего и создавать будущее. Наше прошлое велико и прекрасно, но оно не может и не должно ни стать нашим будущим, ни замечать его.

Но так же верно, что, не познав прошлое, не сможем правильно понять настоящее и будущее. И на этом пути через истинное познание нашей духовной истории в будущее книга Барлена может оказать нам неоценимую помощь.

Книги товарищества «Духовное познание»:

Отто Френкль ЛУНДБОРГ «Что такое антропософия», пер. с нем. 40 с.

Хельмут КЛИММ «Лечебная педагогика, основанная на антропософии», пер. с нем. 42 с.

Лекс БОС «Что такое трехчленность социального организма», пер. с нем. 32 с.

Пауль Евген ШИЛЛЕР «Антропософский путь ученичества», пер. с нем. 140 с.

Д. БАРЛЕН «Русские былины в свете тайноведения», 72 с.

Рудольф ШТАЙНЕР «Сущность социального вопроса», пер. с нем. 144 с.

Готовятся к изданию в 1992—1993 годах:

Рудольф ШТАЙНЕР «Вопрос воспитания как социальный вопрос».

Бернард ЛИВЕХУД «Человек в сообществе. Социальные формирования в лечебной педагогике».

Бернард ЛИВЕХУД «Человек на пороге».

Рудольф ШТАЙНЕР «Духовное водительство человека и человечества».

Рудольф Штайнер «Из летописи мира». (Из Хроники Акаши.).

Ирена ЙОХАНСОН «Истории к праздникам года».

Гунхильд ЗЕХЛИН «Маленький ослик Марии».

Отзывы о книгах, заказы и предложения по распространению вы можете послать по адресу:

248013 Калуга, а/я 647, ТОО «Духовное познание»

Сдано в набор 27.04.92 г. Подписано в печать 03.07.92 г.

Формат 60×108¹/₃₂. Объем 4,5 печ. листа

Зак. 631

Цена договорная

Тир. 2000

Малое государственное предприятие «Типограф»